

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН

СУПЕРХАН

Русский крест

Александр Лапин

Суперхан

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лапин А. А.

Суперхан / А. А. Лапин — «Автор», 2020 — (Русский крест)

ISBN 978-5-4484-2296-6

Новым романом «Суперхан» Александр Лапин открывает трилогию «Книга живых», которой предстоит завершить собой эпопею «Русский крест», повествующую о поколении, принявшем на себя главный удар крушения некогда могучей державы. Пройдя через суровые испытания, выстояв и наладив новую жизнь, герои саги задаются вопросом, волнующим каждого на обширном и многоликом постсоветском пространстве: какие метаморфозы претерпели бывшие советские республики и их лидеры в своем стремлении к «независимости, демократии и прогрессу». Но «Суперхан» – это не просто роман о пути к власти и о цене, которую приходится платить человеку за это восхождение. Волею судьбы Александру Дубравину предстоит проводить в последний путь самого близкого друга, окунуться в гущу политических интриг, вернуться в село, где прошло его детство, и, наконец, задуматься о том, все ли он сделал для того, чтобы выполнить свое предназначение на земле. Читателя, сопровождающего героя романа в его непростой одиссее, ожидают немало увлекательных открытий.

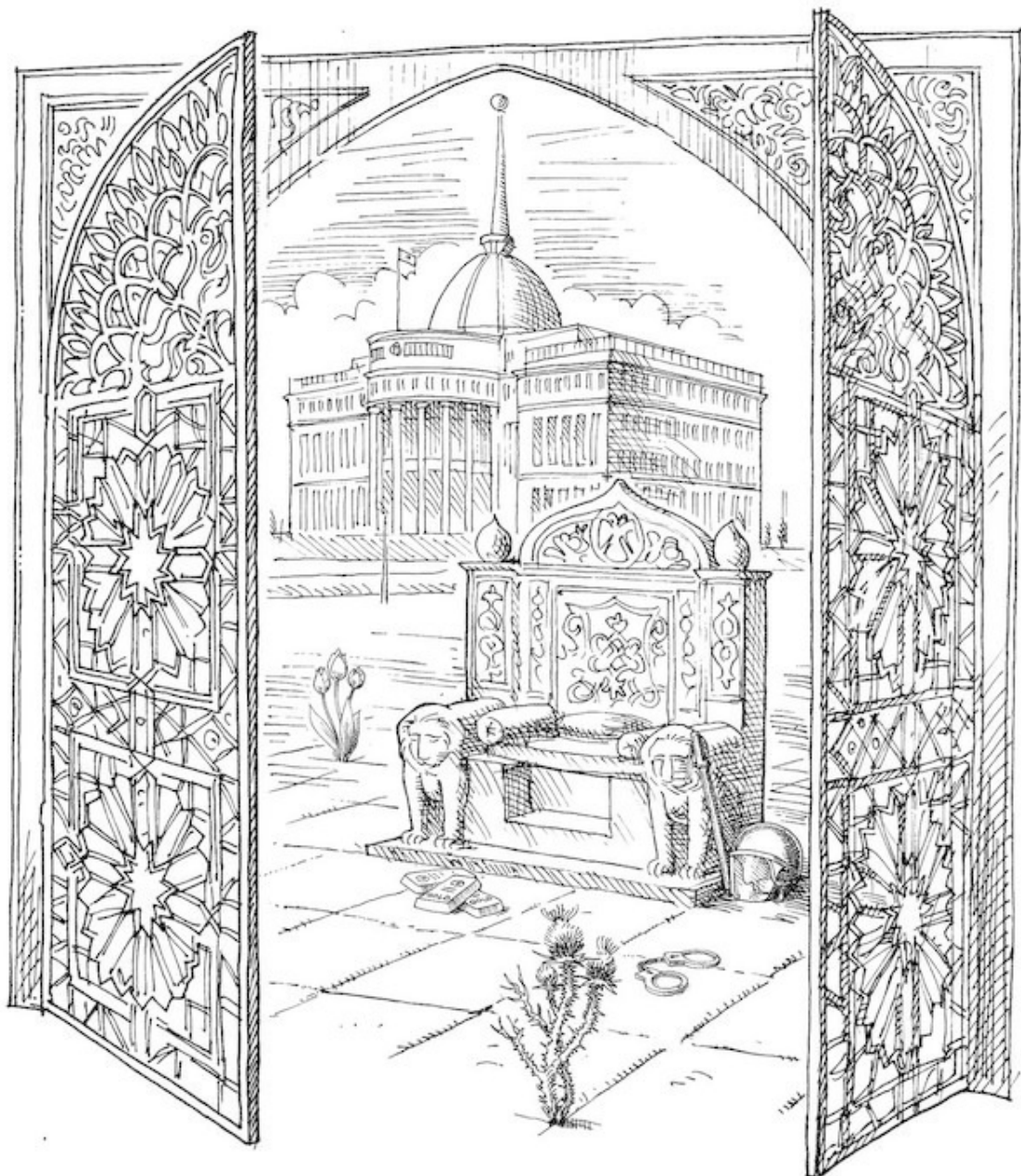
УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-2296-6

© Лапин А. А., 2020
© Автор, 2020

Содержание

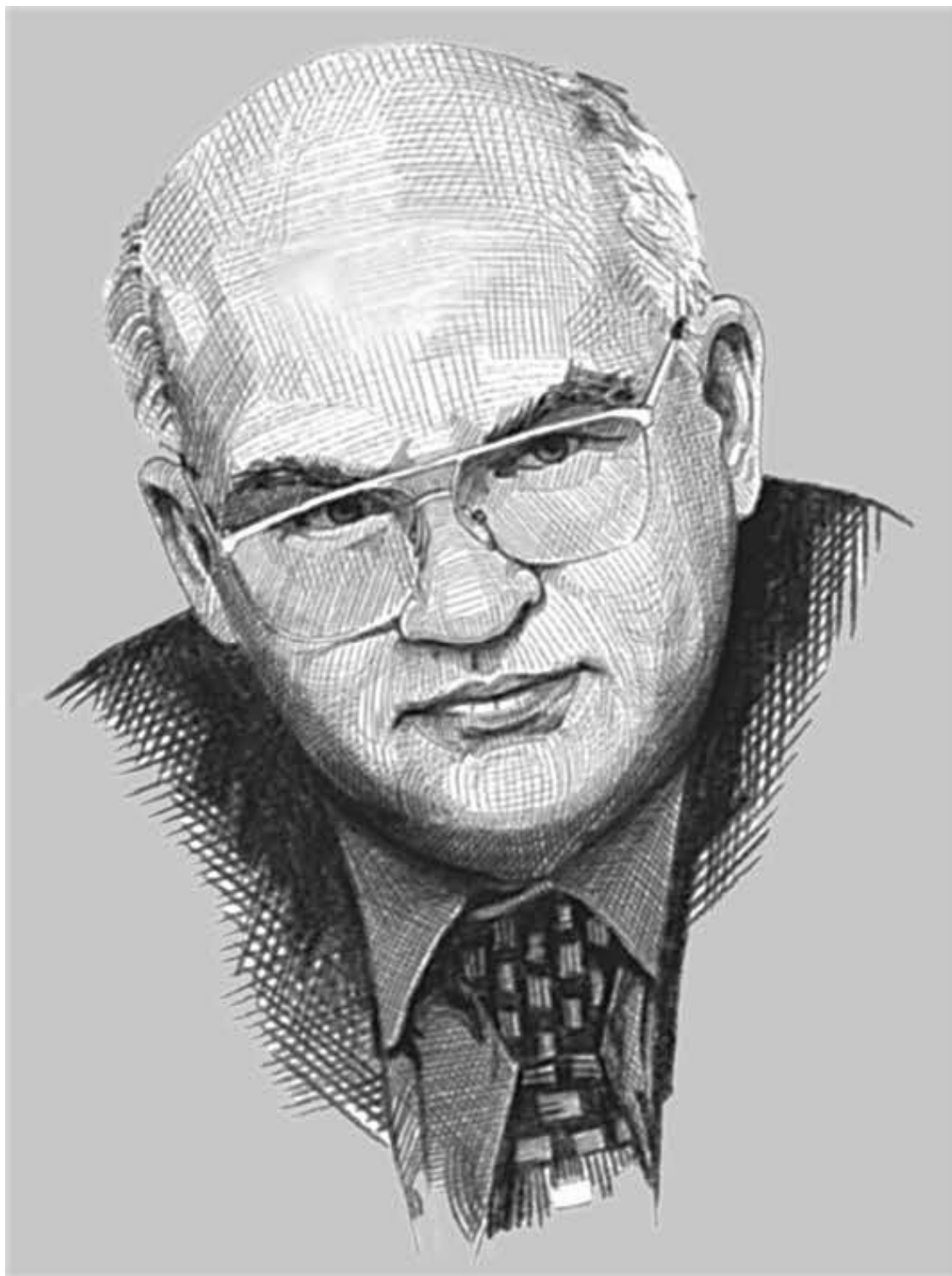
Часть I	8
I	8
II	17
III	22
IV	24
V	28
VI	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Лапин Суперхан

© Лапин А.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

Друзья, перед вами начало моей новой трилогии «Книга живых», завершающей сагу о поколении, родившемся в шестидесятых годах прошлого века.

Первая ее часть, «Суперхан», отвечает на важнейший вопрос: какое же общество мы построили на постсоветском пространстве за тридцать лет, прошедших с момента распада СССР?

Путь, пройденный нами в поисках нового государственного устройства, был долгий и противоречивый. На примере Казахстана и России – стран, подававших наибольшие надежды, – видно, как происходила постепенная трансформация: от «демократической» эйфории первых лет к «огосударвлению», а порой и к авторитаризму. В «Суперхане» герои

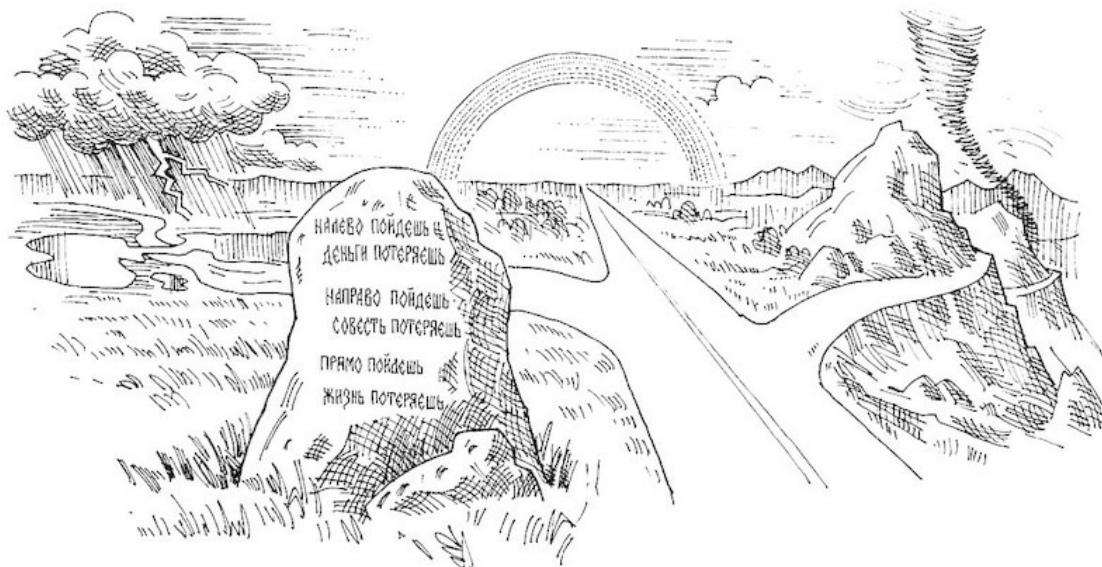
саги прозревают в своем видении происходящего в высших эшелонах власти, но при этом не теряют стремления идти дальше, бороться за идеалы, продолжая искать «новые горизонты» на историческом пути своих народов.

Вторая часть трилогии уже не о политике. Ее тема – человек и окружающий его мир. Написание притчи «Вирусы» меня натолкнула охватившая мир пандемия, те страсти и страдания, которые она принесла в наше и без того непростое бытие. Но главное – это все-таки размышление о том, как, несмотря на все тяготы и невзгоды, люди остаются верны дружбе, солидарности и жизнеутверждающей силе любви. Любви, которая может преодолеть все.

«Книгой живых» я подвожусь черту и навсегда, как и вы, расстанусь с полюбившимися героями саги, включившей в себя романы «Русский крест», «Святые грешники», «Крымский мост». Остается только поставить точку, И я надеюсь, она будет поставлена повестью «Роман и Дарья», над которой я сегодня напряженно работаю.

Ваш
А. Лапин

Часть I Неисповедимые пути

I

В юности ему частенько снился один и тот же вещий сон о маленьком мальчике в матроске, которого укусила за палец оса. Но тот сон ушел в небытие. Растаял в тумане времени. На смену ему к старости пришел кошмар, который повторяется уже несколько лет... Он сидит на старом, скрипучем стуле в первом ряду. Рядом мама. А позади стоит отец. И сестры. И еще люди. Он их знает поименно. Доктор, горничная, лакей и повар. Вся их дружная маленькая семья – коммуна. Нет только маленького поваренка. Он куда-то запропастился.

Напротив них стоят непонятные люди. Главный – черный и носатый. И суетливый. Он что-то говорит, обращаясь к папе, и размахивает белым листом бумаги в руке. Папа непонимающе смотрит и спрашивает его: «Что-что?»

А черный человек вдруг выхватывает из кармана брुक револьвер. И стреляет отцу в грудь. Грохот. Папа падает навзничь.

Мальчик тоже ничего не может понять. Только чувствует толчок в грудь, куда вонзает жало «стальная оса». Он силится подняться со стула, но не может.

К нему подходит нетвердой походкой, пошатываясь, одетый в черную кожанку человек с наганом. И мальчик решительно направляет свой плывущий взгляд в бездонные пустые глаза убийцы. У того начинают трястись руки, но он справляется. И Алексей чувствует, как больно раз за разом жалят его стальные осы...

Он сползает со стула на залитый алой кровью и усыпанный алмазами пол, на котором уже лежат, стонут другие люди...

Последнее, что он помнит, – как шевелится рядом с ним младшая сестра Настя. И грубый человек встает на ее нежные белые руки тяжелыми коваными ботинками и с мясницким хэканьем бьет стальным винтовочным штыком в девичью грудь с такой силой, что штык, пробив юное тело, со хрястом входит в доски пола...

В это мгновение Дубравин всегда просыпается в холодном поту. Лежит, приоткрыв глаза, и прислушивается, как колотится, словно в припадке, его бедное сердце.

Проснувшись, он, как и многие пожилые люди, начинает вспоминать свою жизнь: «Странное дело! – думает он. – Пока был молодым, все думал о делах, о будущем. Теперь этого нет. Почему? Наверное, потому, что нет того горизонта, того будущего, о котором грезились и мечталось. Нет времени для воплощения мечтаний. И сознание поворачивает в прошлое. В детство, в юность».

Он многое теперь понимает из того, что приходило тогда. И почему он с семи лет мечтал стать суворовцем. Отчего ему снились такие странные сны, а самой любимой книгой была «Принц и нищий». Откуда пришла болезнь, обезножившая его во втором классе...

Помнит он и еще кое-что. Как пришел впервые в Александровский дворец в Царском Селе. И почувствовал себя как дома. И даже заметил сделанный мамой шовчик на детской шинельке, выставленной в витрине за стеклом.

Когда тебе уже за шестьдесят, на многое начинаешь смотреть по-другому.

«Одно дело – ехать на ярмарку. И совсем другое – обратно», – думает он, лежа в темноте. Но жизнь продолжается. И все в ней, хотя бы сейчас, должно быть отстроено правильно.

Не так давно они с Людмилой, что называется, без особого шума и пыли сочетались законным браком. И теперь на пороге старости совесть его успокоилась.

Все бы ничего. Но есть одна заковыка, которая грызет его, – младший сын Георгий. Живет парень, не зная родного отца. Это не его вина. Однако ж Дубравин – такой человек, который отвечает за все.

Тихо тикают на стене спальни часы. Мерно дышит рядом жена. Внизу то включается, то выключается газовый котел.

Ох, эти мысли! Ох, скакуны! Как от вас избавиться?

Дубравин включил свой «стеклоочиститель». Смахнул образы. Остановил «мыслемешалку». И... заснул. Теперь ему, чтобы восстановить силы, нужно как следует высыпаться.

* * *

Проснулся он от шума двигателя за окном.

В восемь обычно менялся охранник. Хлопнули двери машины, послышались негромкие голоса.

Надо было вставать. Но он не вскочил с кровати с присказкой: «Вставайте, граф! Вас ждут великие дела!» А потихоньку-полегоньку начал процесс «зарядки аккумуляторов».

Надел наушники, подобрал мелодию, соответствовавшую настроению. Обычно это классика – Чайковский, Вагнер, Вивальди... Либо романсы. Но сегодня он выбрал детский хор и поставил свой «гимн» – «Крылатые качели». Включил. И под этот летящий детский голос начал медитировать. Многолетнее упражнение почти сразу дало результат: ум прояснился, мысли, как легкие облака на ясном небе, растворились, исчезли. А закрытыми глазами он обнаружил внутри себя чистую-чистую синеву.

Прошло еще несколько минут, и он ощутил, как на переносице появилось легкое давление, – это спускалась сила. Сила жизни. Теперь ее надо было «поймать» и передать телу.

Дубравин встал с кровати и начал медленно-медленно делать комплекс упражнений. Экспериментальным путем он давным-давно выяснил, что лучше всего пробуждают тело приседания и разгибания из армейской зарядки. Затем он перешел к упражнениям из китайского тайцзицюаня. Он мысленно гонял энергию из одной руки в другую, не забывая правильно дышать. И когда наконец уловил космическую силу в «силки разума», выполнив ката из карате, направил ее поток в основание позвоночника, откуда она будет весь день напитывать его много поработавшее, но все еще сильное тело. Зарядка закончилась «боем с тенью» – несколькими сильными короткими ударами на выдохе.

Итак, тело было заряжено энергией, а мозг очищен. Теперь задача – поднять вибрации, управлять своей мыслью, которая является самой большой силой во Вселенной. Он никогда не занимался удерживанием первоначальной пустоты, как это делают дзен-буддисты, йоги, монахи, суфии. Для этого они и уходят из активной жизни. Сидят годами в пещерах, скитах и ямах. Дубравин ставил себе другую задачу: поднять уровень своего мышления, заполнить мозг творческими вибрациями, которые и вытеснят словесный мусор. И он делал это самым простым способом: с помощью творчества.

Дубравин поднялся к себе, на третий этаж дома, вошел в кабинет. Сел в удобное кресло, придвинул клавиатуру и начал вспоминать зацепившую его за живое, слышанную когда-то историю. Историю, которая была созвучна его нынешним мыслям и настроениям: «Да-да! Это было лет сорок назад. И осталось в памяти до сегодняшнего дня».

Он решительно напечатал заголовок своего рассказа: «Взлет».

Почесал переносицу. Всмотрелся в зеркало напротив. Увидел там широкоплечего, высоколобого человека, похожего бритой головой на буддистского монаха. Человек в зеркале вздохнул и принялся за работу.

* * *

«В редакцию солидного технического журнала пришло письмо, переполнившее чашу терпения заведующего отделом новой техники и изобретений. Он вызвал молодого корреспондента Костю Незванцева, положил перед ним конверт и предложил выехать в командировку.

Константин встретил известие без особого энтузиазма. Он слегка отодвинул от себя конверт и вяло заспорил:

– Владимир Петрович, я только позавчера приехал, устал, а вы снова меня! Да и по графику отпуск должен быть. У жены горит...

– Константин Павлович, только вы как бывший изобретатель можете показать убогость этих чудес, – шеф тонко польстил Косте.

Но намек произвел на Незванцева неприятное впечатление. Он вспомнил годы работы в конструкторском бюро, горячую идею, которую так и не довел до ума, – не хватило упорства, смелости. От воспоминания настроение у него окончательно испортилось.

Когда заведующий снова подвинул письмо, корреспондент взял его с кислой миной.

Некий Дмитрий Евсеев из села Славянка сообщал, что изобрел самолет, превосходящий по летным данным многие подобные машины.

“При минимальной мощности двигателя, – писал он, – самолет способен поднять двух человек и пролететь значительное расстояние. Все это за счет хитрого решения, до которого не додумались другие конструкторы”.

В конце автор просил опубликовать свое открытие, а также “помочь с разрешением на пересечение Каспийского моря (перелет к родственникам на Кавказ) и выдать документ на право пользования летательным аппаратом”.

– Каков, а? – начал горячиться зав, когда Константин отложил письмо, – к родичам на собственном самолете собрался!

Он похлопал себя по плотной шее.

– Вот где они у меня сидят, эти горе-изобретатели! Их бредовые идеи отнимают время, нужное для работы с более серьезными вещами. Посмотри! – шеф грохнул на стол тяжелые лыжные ботинки с привинченными к носкам страшными кривыми лезвиями.

– Предлагаемые чудо-ботинки должны заменить в поле мотыгу. Принцип действия – надел и пошел. Автор требует немедленного разбора своего предложения.

В то же время у меня в столе лежит интереснейшая разработка мотопомпы...

– Да, это, конечно, не дело, – думая о чем-то своем, равнодушно отозвался Константин.

– А этот, – шеф помахал перед носом журналиста письмом на фирменном бланке, – изобрел электрический вертолет. Энергия на него подается по кабелю, который тянется с земли... Нужен разгромный фельетон.

Поняв, что совместный отпуск пропал и крупного разговора с женой не избежать, Костя сгрел письма со стола. Зло, с тоскливым раздражением подумал: “Ну, я вам покажу, братья Райт из Славянки, Ньютоны из Халдеевки...”

...Затерявшаяся среди лесов деревенька встретила его собачьим лаем и зигзагообразными переулками. Пацаны со смехом (Константин отметил это обстоятельство) рассказали ему о “самолете” тракториста Дмитрия Евсеева и проводили до ворот.

Изобретатель сидел дома, хлебал щи. Был он тощ, маленького роста и весь какой-то взъерошенный. Когда гость представился, он ожил, хлопнул себя по ляжкам и уничижительно посмотрел на свою толстую жену. Та ответила взглядом, полным тревоги и злости.

Решили сразу взглянуть на аппарат. Евсеев открыл пудовый замок на сарае, и корреспондент увидел обтянутое старым пододеяльником сооружение странных и непривычных для человеческих глаз очертаний.

“Похоже на стрекозу”.

Дмитрий, вставляя замысловатые авиационные термины, начал с жаром объяснять задумку, которая пришла ему в голову, когда он наблюдал за полетом насекомых.

Гость прервал его осторожным вопросом:

– И вы думаете, оно полетит?

– Вы что, не верите? – изумился изобретатель. – Может, попробуем?

Они подхватили “самолет” под крылья, и, покачиваясь на дутых мотоциклетных шинах, он выкатился на свет божий, уставился в голубое небо красным пропеллером.

В воздухе запахло бензином.

На чиханье мотора сбежались деревенские мальчишки.

Следом за ними примчалась жена Дмитрия. Она схватилась за лопасть винта, не давая ему раскручиваться, и запричитала:

– Митрий, опять убийство. Люди смеются: “Еще не полетели на Кавказ?!” Дрова на зиму надо готовить. Лучше бы сварганил пилу механическую!

Потом она принялась за корреспондента:

– А вы вроде человек серьезный, а потакаете глупостям...

Дмитрий оставил двигатель, обнял жену за плечи и, подталкивая, повел к сараю.

– Я, дуреха, не собираюсь летать. Просил ведь, чтоб убрала в мастерской. Не-е! Сама глянь, что здесь творится!

Подвел ее к двери. Неожиданно ловко втолкнул в сарай. И мгновенно навесил свой пудовый замок. Вернулся к аппарату.

– Никто не верит, даже она. А я докажу!

Запертая жена сначала стучала в дверь, а когда двигатель завелся, заплакала, заголосила. Корреспондент покачал головой, в которой уже мелькали первые фельетонные строчки.

Дмитрий, повернув все системы, запрыгнул в высокое брезентовое сиденье. Посмотрел на развевающийся на столбе полосатый носок. Предложил корреспонденту:

– А то, может, вдвоем? Оно так устойчивей и веселее...

– Благодарю, в другой раз, – ответил журналист и подумал: “Неужели не понимает, что эта хреновина с пропеллером не то что через Каспийское море не перелетит – и от земли не оторвется?!”

Тем временем отчаянно затрещал двигатель. От ветра, поднятого винтом, побежали волны по траве. Вопреки ожиданиям сооружение сперва медленно, а потом как-то странно, скачками двинулось к краю пшеничного поля. Вскоре, однако, мотор заглох. Пилот выскочил

на траву. Корреспондент при этом добавил в уме к фельетону пару живых эпитетов и пошел открывать дверь.

В эту минуту “самолет” снова застрекотал и побежал быстрее. Вот он подпрыгнул раз-другой, качнул крыльями.

Приподнялся невысоко, цепляясь колесами за травостой, упал. Рванулся, как гусь, на взлете, оттолкнулся дутыми шинами на кочке... Рокот перешел в осиное жужжание... И...

Никто даже не понял, что произошло. Лишь старушка Маланья, увидев промелькнувший над головой фанерный фюзеляж, перекрестилась. Ребятишки пронзительно завизжали:

– Летит! Летит!

Когда Константин сообразил, в чем дело, в душе у него что-то болезненно перевернулось, исчезло привычное ленивое оцепенение. Стало горько и завидно: не он оседлал мечту.

Самолетик тракториста Евсеева сделал пару кругов и стал заходить на посадку. Метрах в трех от земли неожиданный и сильный порыв ветра подтолкнул вибрирующее сооружение под левую плоскость. Пилот отчаянно пытался выправить машину, жестикулировал. Но у самой земли воздушная волна с другой стороны свела его усилия на нет.

Увлекаемый тяжестью собственного веса, подталкиваемый силой инерции и ветра, аппарат наклонился. Крыло чиркнуло о землю. Двигатель взвыл, потянул вверх.

Константин с ужасом увидел, как под действием удара, ветра и тяги конструкция медленно переворачивается. Вот она в последнем усилии зависла вверх колесами, как бы остановилась в воздухе. Неизмеримо долго, так, что на земле все напряглись в ожидании, шла борьба.

Наконец, потеряв управление, самолет рухнул.

Зрители, вопя, бросились к месту аварии. Там из-под обломков уже силился выкарабкаться испытатель. Когда вытаскивали его маленькое податливое тело, он в горячке упрямо твердил:

– А я вам говорю – летает. И баста!

Жена плакала и промокала ссадины и царапины, останавливала кровь из разбитого носа. Константин стоял рядом, ворошил обломки и разгорался: “А ведь и моя идея была не абсурднее этой. Надо было опробовать ее на практике. Пусть с разбитым носом. Да и вообще: летает, не летает – разве это главное?..”»

* * *

Дубравин удовлетворенно хмыкнул, встал из-за стола и вышел на балкон.

Давнее чувство, что он не все успел сделать в этой жизни, на время ушло. Душа успокоилась, и он увидел Луговое во всей его красе. Над селом возвышалась, играла позолотой куполов церковь Архистратига Михаила.

Все сбылось, как и мечталось. Появился у церкви хозяин, молодой энергичный священник отец Валентин. Как это часто бывает с русскими людьми – жил человек, работал на ниве юриспруденции в адвокатуре, наживал деньги, авторитет, славу. И вдруг... Вот это самое «вдруг» и привело его сюда священником. Сбилась вокруг него община. Так что в скором времени огородился храм хорошей узорной стальной изгородью, зазеленел вокруг него стриженный газон, замостились новой плиткой дорожки.

И теперь по воскресеньям и большим церковным праздникам радуется слух окрестных жителей чистый колокольный звон.

Трижды «подступались» селяне к дороге.

Дубравин долго сомневался. А надо ли строить? Потому что знал: пока нет асфальта, в деревне тишь, гладь да божья благодать! А проложишь «тропу» – начнут носиться туда-сюда на машинах лихие ненужные люди. Долго сомневался. Лет семь. Но в конце концов, посмотрев, как Людка на «лексусе» на ледяной горке не может подняться к дому, сдался.

Два раза ходил с челобитными «от народа» к губернатору. Добился, чтобы дорогу поставили в план. А для более прочного закрепления проекта в плане подготовил заявление от жителей села в областную прокуратуру. Мол, по российскому закону к каждому населенному пункту должен быть подъезд. Так что обеспечьте исполнение.

Прошло всего три годочка – и деньги выделили. Еще через пару лет серый асфальт через засыпанный лог привел богомольцев прямо к храму.

Тут народ подхватил инициативу. И потянул дороги с твердым покрытием к своим домам.

С газом решили еще раньше. Изыскала их община несколько миллионов (не долларов, простых рублей), влила их в пустой доселе бюджет сельского поселения. Не прошло и года, как газовики смилостивились, так сказать, снизились к «просьбам трудящихся» и протянули трубу к селу.

А тут уж, как говорится, не зевай! Подтягивай! Ставь плиту! Плати!

И Луговое начало процветать. Администрация поселения тут же радостно распродала все пустовавшие ранее участки, и то там, то здесь стали выскакивать, как шляпки красных грибов, крыши новых домов.

Можно сказать, возродился старый колхоз. Но возродился по-новому. Конечно, нет теперь в нем ни труженников сельского хозяйства, ни передовиков производства. Нет фермы и бредущих по полям тучных стад.

Теперь село их стало местом отдохновения знатных пенсионеров, потомков сельских труженников. Подтянулись и те, кто заработал деньги. Захотели люди жить на природе.

А природа в Луговом замечательная. Течет внизу окаймленная деревьями и камышом прозрачная река. Шумит на другом берегу заповедный лес.

В начале эпохи освоения глубинки народ никак не мог понять: зачем забираться в такую глушь? А теперь сообразил. Луговое – никакая не глушь. И езды до города по классному асфальту всего ничего – минут тридцать пять. Нынче из одного конца города в другой надо ехать через пробки часа два-три. Так-то...

Жизнь устаканилась.

Дороги чистятся, во всех домах газ и свет. Живи – не помирай, советский крестьянин! Или, скорее, российский селянин.

* * *

А жизнь – на то она и жизнь, чтобы подбрасывать новые задачки. Образовалась таковая и у семьи Дубравиных. Скоропостижно скончалась от инсульта жена брата Людмилы. Похоронили. Но осталось от нее наследство – Людкин брат Борис. Интересный такой типаж. Человек, проживший всю свою жизнь при матери, а потом при жене.

После похорон Людка позвонила Дубравину и чуть не плача сказала:

– Его нельзя оставлять одного. Он же пропадет!

Дубравин по простоте душевной ответил:

– Привози его сюда! Забирай к нам!

Вот уж воистину права народная мудрость: женишься не на женщине, а на ее родне.

Отвели брату комнату в городской квартире, где зимой обитали и они сами. Обставили соответствующе. Оставили Бориса дома. Так сказать, на хозяйстве. И принялись работать дальше.

А сюрпризы не заставили себя долго ждать. Через несколько дней позвонили соседи: «Ваш дедушка пьяный валяется на тротуаре у дома!»

Ноги в руки – Людка села в машину, примчалась, спасла «дедушку», притащила домой.

Но чем дальше в лес, тем больше дров.

Дубравину показалось, что он вернулся в свою юность, когда дома жил-поживал его братец Иван.

Сама жизнь в одной квартире с неопрятным всклокоченным Борисом, который никак не вписывался в атмосферу их дружной, любящей семьи, стала испытанием.

Кончилось это тем, что в один прекрасный день, сидя в машине у дома, Дубравин признался Людмиле:

– Люд! Ты знаешь, я не хочу идти домой!

Чему она нисколько не удивилась. А тоже честно ему ответила:

– Саш! Я тоже не хочу!

В общем, на семейном совете решили: переселить брата на свежий воздух. В деревню. Огромный дом. Лужайки, цветы. Может, там он найдет себе применение.

Сказано – сделано.

Поселился Борис в деревне. Стал жить-поживать в отведенной ему на первом этаже комнате.

И первое время он вел весьма активный образ жизни: «подружился» с охранниками. Каждый день выходил на улицу к ним гости.

Но, как говорится, недолго музыка играла, недолго Боря танцевал. Тут-то и выяснилось, что любимым занятием брата было «сбегать в магазин». И выпить. Чему он и начал предаваться на досуге. Благо и до магазина не всегда идти было надо: жители окрестных домов смело гнали «народные слезы» в неограниченных количествах.

Хозяева наезжали на выходные. Людка старалась изо всех сил, готовила разносолы брату на неделю, заставляла ими два холодильника в надежде, что все съестся.

Но сильно пьющим закуски много не надо. Они черпают энергию из огненной воды.

Так что пропадал понапрасну сестринский труд, ибо основной пищей брата стали самогон и пельмени.

Начальник охраны Виктор Палахов, обнаружив такой разврат во вверенном ему подразделении, стал жестко пресовать тружеников тыла, увольняя за пьянку то одного, то другого.

Сестра лишила Бориса карманных денег. И пить стало не на что.

Ну, а если ты не угощаешь собутыльников, то рано или поздно они перестанут угощать и тебя.

Не прошло и года, как Дубравин заметил, что «дружба» Бориса и охранников прошла. Распалась цепь великая. Перестал он вылезать к ним и сидеть целыми днями в будке. Долго не расставался с ним только один друг – Вася.

Это нынче редко встречающийся, практически вымирающий тип русского человека. Чем-то Василий напоминал Дубравину его армейского друга Амантая Тамнимбаева – сына великой степи, с которым он служил срочную на суровой сибирской земле. Такой же работящий, улыбочивый. Безропотно берущийся за любое дело. Одно слово – добрый человек. И Борис его, что называется, оседлал. Как только Вася дежурит – Борис тут как тут. Вылезает на улицу. Вася берет его под белы ручки и ведет в будку.

Но и здесь недолго везло Борису. Потому что такие посиделки заканчивались, естественно, пьянкой.

Как-то начальник охраны Виктор Палахов зашел в будочку и увидел вповалку лежащих Васю и Бориса. Недолго думая, разозлившийся Витька утащил вяло сопротивлявшегося Васю в машину и отвез его домой. На расправу к жене. Жена Васи Маша, женщина решительная, как только ей предоставили пьяненького мужа, с ходу заехала ему кулачищем в глаз и начала метелить его так, что Палахову стало жалко своего подчиненного. Васе было объявлено последнее предупреждение. И он, судя по всему, завязал. А вместе с прекращением выпивона пропал и интерес со стороны Бориса.

Дубравин, наблюдая все эти перипетии отношений шурина с окружающим миром, все пытался ответить себе на несколько вопросов.

Например, как можно жить на свете, ничего не делая? Вообще, поселяя шурина в большом доме, Дубравин втайне надеялся на то, что Борис заинтересуется сельским трудом. И, может быть, этот интерес продлит ему жизнь.

Но в обстановке сытости и полной обеспеченности тот предпочел жить по древнему принципу: хлеба и зрелищ. «Хлебом» его обеспечивала Людмила. Второе Борис находил в телевидении. Постепенно сложился простой и, видимо, самый доступный ему образ жизни. Позавтракав, Борис садился, а чаще всего ложился на диван перед телевизором. И часами молча развлекался шутками Петросяна и его компании. Пролежав так до обеда, он тащился на кухню-столовую. И тут... варил себе кастрюлю пельменей.

Для Дубравина было величайшей загадкой, почему Борис остановил свой выбор на этом блюде. На вопрос, отчего он не употребляет, скажем, борщ или котлеты, ответ следовал один и тот же: «Не хочу». Как-то Дубравин спросил Людку, что же определяет выбор Бориса. И та ответила:

– Лень! Надо достать кастрюлю. Разогреть. Налить. А тут – проще всего. Вывалил и черпай!

Дубравина мучила совесть. Может, они чего-то недодали Борису? И человеку просто не нравится его жизнь. Но однажды во время братской стычки с Людкой он заявил:

– Да ты знаешь, как я прекрасно живу!

То есть, понял Дубравин, Борис считал свою жизнь абсолютно нормальной.

И Дубравин начал думать: «Может, он святой? Всем доволен! Всем счастлив! Ничего ему не надо». И спрашивал Людку: всегда ли брат был таким?

– Он жил с женщинами. И те постоянно шпыняли и гоняли его: «Борис, вставай! Иди на работу! Копай огород!» То есть они были мотором его жизни. И вот их нет – двигатель исчез.

Здесь, в «раю», который построил для себя и своей семьи Дубравин, Борис считал, что достиг идеала человеческой жизни. Жрать, пить, курить, переползая от одного телевизора к другому – это и есть наивысший кайф.

Дубравин долго бился над разгадкой этого характера. Пока не понял, что Борис – законченный, классический, но недалекий эгоист. Потому что, судя по всему, никогда, ни при каких обстоятельствах он не думал ни о чем, кроме себя, своих нужд и потребностей.

«В каком-то смысле то, что происходит с ним, – это эксперимент с будущим человечества, – думал Александр, прислушиваясь к тому, как скрипит стул, который Борис двигал по паркету. – Мы все стремимся к идеалу комфорта, сытости. Чтобы жить без напряжения. И быстро-быстро деградируем. Скоро будет так: в рот – одну трубку, чтобы поглощать еду, в зад – другую, чтобы собирать отходы. А на глаза – виртуальные очки, чтобы паяться. Но человек ведь не корова. И не свинья. Он должен к чему-то стремиться. Что-то совершить в своей жизни».

За забором на соседнем участке через дорогу пожилой сосед в белой морской фуражке, майке и шортах собирал на картофельном поле плоды своего труда.

«Вот почему он – тоже наш ровесник – работает на солнышке, радуется жизни, а Борис ползает, как таракан, от телевизора к телевизору? Хотя ничем не болен. Все дело, наверное, в энергетике! У кого-то эта энергия жизни есть. А у кого-то – нет. Просто надо шевелиться! Всегда. А не плыть по течению. К чему-то стремиться и никогда не сдаваться!»

В последние годы Дубравин, воспитанный на книгах, якобы раскрывающих душу русского народа, во многом пересмотрел свои взгляды, сложившиеся под влиянием Льва Толстого, Достоевского и прочих «властителей дум». Как человек, вышедший из глубин народной жизни, он считал все эти теории о «непротавлении злу насилем», «красоте, которая спасет

мир» и прочих «выкрутасах» абсолютно не соответствующими ни духу, ни характеру русского народа. Более того, он считал их вредными и в чем-то ущербными.

«И где они нашли такой русский народ? Возможно, как интеллигентам, князьям и графам им очень хотелось, чтобы народ был таким. Толстой – тот все жаждал опроститься. И горевал в своих “Казаках” и “Воскресении”, что ну никак не смог стать вровень с простым людом. Что народ, хоть он и ходил босиком да сено косил, все равно считал его барином. И не принимал за своего. А мне это ни к чему. Я сам из гущи народа. И могу о нем судить не со стороны, а изнутри.

Да, конечно, такие типажи, как Вася и Борис, еще появляются среди русских людей с завидным постоянством, но они – уходящая натура.

Кто такой этот Платон Каратаев, которого Толстой вывел учителем для Пьера Безухова? Человек, который плыл по течению и кончил тем, что его, как “больную собаку”, пристрелил по дороге французский конвоир.

Да если бы все мы были такими, давно не стало бы русского народа!

Народ наш разный. Очень разный. И мне импонирует вовсе не Борис, а такие, как Палахов, как наш новый охранник Денис, рукастый мужик. Такие люди действительно меняют жизнь. Вон как за эти годы изменилась наша деревня! Ожила. Задышала. Если бы еще государство у нас было адекватное, то, глядишь, дела пошли бы еще веселее.

Впрочем, многое на Руси осталось прежним. Менталитет наших людей меняется с трудом. Заглянуть в чужой карман. Позавидовать. Обсудить. И осудить. Это вот наше, родное».

И Дубравин усмехнулся своим мыслям, вспомнил, какие слухи и сплетни о нем самом доходили из деревни: то он собирается закрыть для людей проход на пляжик, построив бетонный забор, то он все продает и уезжает за границу, то вдруг скупает все окрестные земли...

* * *

Внизу снова начал скрипеть стул. «Дед» Борис полз обратно к себе в комнату.

Дубравину вдруг стало жалко его. Никому не нужный, одинокий человек. Ему захотелось как-то ободрить Бориса, сказать ему что-то хорошее. Но тут он услышал, как «дед» орет на собачку чихуахуа, которая жила с ним в этом доме и скрашивала его досуг, и желание пропало.

«Это его карма. Каждый проживает жизнь и в конце пожинает плоды. Как прошлых жизней, так и этой... Ну, а мне-то зачем досталось такое? Наверное, для урока. Чтобы смотрел. И думал, как надо правильно жить, чтобы потом правильно умирать.

А еще, пожалуй, эта ситуация учит меня терпению и мягкости к людям. Самым разным. Ведь как я не любил в юности своего брата-алкаша, как ненавидел пьяниц! Лупил их в армии, когда был начальником гауптвахты. Теперь, на склоне лет, аукнулось: живи рядом, молчи и извлекай уроки!»

Он спустился. Съел приготовленный Людмилой простой деревенский завтрак и засобирался на работу.

Конечно, ему хотелось еще отдохнуть. Но долгие размышления в последние годы, особенно после выхода на пенсию, привели его только к одному: работать придется всегда. До самого последнего часа!

II

Во дворе, куда Дубравин вышел с парадного крыльца, он увидел картину маслом. Палахов рядился с мастерами. Шел типичный русский разговор с размахиванием руками, почесыванием затылков и глубокомысленными замечаниями на политические темы.

Дело в том, что прошлая зима была необычайно снежной и плотно укрыла металлическую крышу сугробами. А весной снег сходил сверху глыбами и помял тонкий металл. В преддверии новой зимы задумали поставить рассекатели снега и вызвали специалистов. Вот сейчас и решали с ними, что да как.

Дубравин подошел, поручкался с мастерами. Ими оказались крепкий, с обветренным лицом мужик в синей спецовке и его сын, подросток лет пятнадцати.

Дубравин давно заметил, что в постсоветские годы в стране появилась масса мастеровитых, рукастых людей. Раньше этого не было. Советская власть не приветствовала инициативу снизу и работу на себя. Он с удовольствием наблюдал, как отец и сын приставляют к фасаду алюминиевую раздвижную лестницу, достают страховочную капроновую веревку и другой «струмент».

Но надо было ехать.

Уже в машине, по дороге в офис, Александр начал размышлять на тему нового образа жизни.

«Да, в доме надо жить. Без хозяев он погибает. В него надо вкладываться. И не только деньгами, силами, но и мыслями. Он ведь живое существо. Напитывается твоим настроением, мыслями, энергией. Поэтому и строить его надо под себя. Как костюм шить. Чтоб нигде не жало, не давило.

А у нас – денег заработают, а строят черт-те что! Потому что нет еще культуры жизни на природе...»

Мысли перескочили на жену. И Дубравин еще раз порадовался точности народной мудрости, заложенной в веках: мужик работает во дворе, а баба – в доме.

* * *

Солидно, но без пафоса обставленный офис управляющей компании встретил его тишиной.

Сегодня он приехал первым. Сам заварил себе чай, налил и прошел в просторный кабинет. Кабинет был, можно сказать, типичный, почти в советском стиле. Только стены украшали не портреты вождей, а сделанные в особой манере картины, изображавшие главные храмы разных религий. Тут был и храм Христа Спасителя в Москве, и Потала в Тибете, и похожий на раскрывающийся лотос главный храм последователей бахаи в Индии. Здесь можно было увидеть все – вплоть до Золотого храма в Амритсаре, потому что хозяин кабинета был убежден: скоро в мире произойдет слияние верований, и на свет божий явится общая для всех интеррелигия.

А пока Дубравин пил горячий чай и размышлял... Хотя скорее просто ждал. Звонка из Алма-Аты. От старинного друга и товарища Амантая Турекулова.

История их отношений – это отдельная песня.

Было их четверо друзей, вышедших из одного села в Восточно-Казахстанской области. Вместе они закончили школу. И каждый шел по жизни своей дорогой, но так уж получалось, что так или иначе дороги эти пересекались. И четверо друзей, встречаясь, то спорили о «символе веры», то вместе вершили «великие дела».

Разное было за эти годы. С Амантаем они крепко сцепились в эпоху «заката империи», когда Казахстан выходил на путь независимого развития. Доходило до открытой вражды.

Но годы шли. И через четверть века они, так же как и их народы, поняли, что есть не только общая юность, но и общая история. А самое главное – общие интересы. Друзья снова встретились в Вене, на заседании ОБСЕ, и им было что вспомнить в тихом венском кафе...

Потом Амантай пел мелодичные казахские песни на юбилее у Дубравина. И, надо признать, звучали они здесь, в Центральной России, красиво и душевно. В ту пору Амантай, пройдя все ступени бюрократической карьерной лестницы в своем независимом государстве, отдыхал душой в Европе, будучи чрезвычайным и полномочным послом.

А дальше жизнь сделала еще виток. И Амантай перебрался в Москву. Их с Шуркой (так Александра Дубравина звали те, кто знал его с юности) дружба обрела, можно сказать, третье дыхание. Появились общие интересы. Например, оба уже в достаточно солидном возрасте начали играть в большой теннис. Дубравин раз в неделю брал уроки у профессионального тренера. А Амантай пристрастился к этому делу в Австрии.

Тогда же Амантай встал и на горные лыжи. Катался он в традиционном стиле, изящно выделявая на пологом склоне красивые па. Как будто не катался, а танцевал. Вместе они несколько раз съездили в Болгарию и даже как-то «развели понты» в Куршевеле. А когда в России появился курорт мирового уровня – Красная Поляна – обкатали и его.

Время они выбирали особое. Не зимние каникулы, когда на склонах собираются огромные толпы, а позднее, в конце февраля: тогда и народу поменьше, и снега побольше.

Для них эти вылазки стали традицией. Ездили обязательно поездом, чтобы прочувствовать атмосферу путешествия. Они выкупали комфортабельное купе, Амантай садился в него с лыжами и амуницией в Москве. А по дороге в этот же поезд подсаживался Дубравин с парой-тройкой бутылок премиального шабли. Они долго сидели за столиком, вглядываясь в пробегающие за окнами поселки, лесополосы, заснеженные поля русской равнины, наливали по полбокальчика. И говорили, говорили, говорили.

Это были особые разговоры, в которых переплетались прошлое и будущее, политика и искусство, религия и духовные практики. Настоящий пир для ума. Два человека, равные по уровню духовного развития, но идущие к вершинам разными путями, делились нажитым опытом. И им нисколько не мешало то, что один из них мусульманин, а другой – православный. Общим было то, что они уже вышли за рамки мировых религий. И двигались вперед по новому пути. По пути религии творчества.

А потом они беззаботно вкушали радости зимних развлечений. После склона шли в свой «Риксос», отмокали в спа и бассейнах, коротали вечера, попивая легкое вино.

А еще, бывало, они вместе выбирались в Питер. И долго бродили по залам Русского музея.

Или встречались в Третьяковской галерее, чтобы в очередной раз насладиться творчеством Крамского или Айвазовского.

Летом частенько грузились они на круизный катер Дубравина под названием «Русь» и уходили вниз по Дону. Ночевали на прибрежных пляжиках, любовались сияющими, мерцающими на южном небосклоне звездами.

Осенью выбирали недельку и отправлялись в Сочи. Там тоже была своя «Русь». Санаторий Управления делами Президента.

Вот и нынче они собрались опять в Сочи. Только перед этим Амантаю понадобилось слетать домой в Казахстан. Он решил уйти на пенсию, потому что, судя по всему, в республике намечались значительные перемены. Великий несменяемый, которому шел уже восемьдесят первый год, наконец-то оставил свой пост и отошел от текущих дел. Вся придворная челядь, конечно же, гадала, что будет дальше. Многие были уверены, что преемницей станет родная дочь или кто-то еще. Нередко всплывало и имя Амантая.

Сам он (Дубравин судил по реакции друга на происходящее в стране) «перегорел». Да, были моменты, когда он рвался вперед. Переживал, сожалел, хотел сделать для своего народа все, что мог. Но, как говорится, даже самые бурные горные реки в конце концов выходят на равнину. И текут по ней плавно и спокойно.

Амантай полетел сначала в новую столицу, чтобы оформить отставку, а затем в свою любимую Алма-Ату – проведать детей, решить кое-какие вопросы со старшей женой Айгерим. После этого он должен был вернуться в Москву, чтобы разгрести дела в посольстве, а там – «Здравствуй, солнце! Здравствуй, Сочи!».

Дубравин ждал звонка от друга, чтобы наконец определиться с поездкой. Амантай, по его расчетам, должен был позвонить еще несколько дней назад. Но он молчал. И Дубравин, который не хотел на него наседать, давить, выпив горячего чаю (без чаю я скучаю), все же нажал кнопку автоматического набора на дисплее.

Роуминг есть. Гудок проходит. Но вот ответа все нет и нет.

«Ладно, он увидит, что я звонил. И перезвонит!» – решил Александр, оставляя свою попытку достучаться до бывшего посла.

Но прошел час, другой, третий, а ответного звонка все не было.

Сначала это разозлило Александра. «Что он из себя строит?! Опять эти чиновничьи заморочки! Бабайские штучки! Вот не буду тебе больше звонить! Хрен тебе! Сено за коровой не ходит!» – думал он. А потом завертелись другие, уже более тревожные мысли: «А может, с ним что-то случилось? Заболел? В общем и целом, он человек обязательный. Не может же он забыть?..»

Прошел день. И Дубравин, уже «пыхтя, как паровоз», снова набрал знакомый номер, готовясь выплеснуть на товарища и друга свое негодование в выражениях, соответствующих их стилю общения. Но снова никто не ответил.

Тут уж Дубравин впал в ступор и чуть не швырнул телефон в мусорное ведро. Он поставил телефон на автодозвон – на пятый раз гудок смолк, и какой-то бесконечно чужой, усталый женский голос ответил:

– Аллю!

– Мне Амантая Турекуловича! – стараясь быть вежливым, произнес Дубравин.

– А его нет.

– А где он?

– Он лежит в реанимации, – замороженно ответила женщина.

Дубравин, еще не осознав услышанного, спросил:

– Что с ним?

– Он попал в страшную аварию.

Тут наконец-то до него дошло:

– Как? Когда? Где? Почему? С кем я говорю?!

– Это Айгерим, его жена...

Дубравин много знал о женщинах друга. Когда-то встречал он и ее, байбише, старшую жену. Но было это очень давно.

«Женщин может быть множество. А приходит беда – и трубку, и ответственность берет жена. Такова логика жизни. И ничего с этим не поделаешь».

Шурка представился, и мало-помалу разговор начал как-то склеиваться. Оказалось, пару дней назад Амантай, который всю жизнь любил красивые, раритетные вещи, купил новую игрушку – коллекционную модель, американский, как у нас говорят, «джип-широкий». И решил на нем погонять по дорогам Заилийского Алатау. Почувствовать драйв. На одном из поворотов недалеко от высокогорного катка «Медео» с боковой, скрытой от глаз, дороги неожиданно выскочил груженный КамАЗ. От удара американец слетел с асфальта и мог свалиться в пропасть, но чудом зацепился за дерево, росшее на краю обрыва.

Однако результат столкновения был ужасающим.

Амантая вырезали из смятой машины с многочисленными травмами. И теперь он лежал в реанимации. Врачи говорили, что надежда есть. Но нужна срочная операция. Никто из местных врачей за нее не берется, но в Москве есть одно светило медицины, которое делает такие «чудеса» за очень большие деньги. Светило вызвонили, и он летит в Алма-Ату.

Ошеломленный Дубравин слушал речь Айгерим и никак не мог поверить в реальность происходившего.

* * *

Следующие два дня для него прошли в какой-то прострации – между надеждой и безнадеей. Он периодически названивал Айгерим, а она рассказывала ему о происходящем. Как дежурила у палаты. Как прилетел из Москвы хваленый доктор. Что он говорил... А говорил он, что надежды на положительный исход ничтожны. Но сам Амантай, когда Айгерим пустили к нему, прошептал, что еще поживет. И обязательно поедет к Шурке...

Операцию сделали вечером на третий день. И все, в том числе и Дубравин, принялись ждать, потому что все станет понятно в ближайшие сутки.

Дубравин не находил себе места. И то рвался лететь в Казахстан. К другу. То застывал на месте, понимая, что дело это бесполезное. Никто его в реанимацию не пустит. Но даже если и пустят, все равно он ничем не сможет помочь.

На утро третьего дня его беспокойный сон прервал звонок. Звонила Айгерим. Усталым и каким-то официальным голосом она сказала:

– Амантай Турекулович скончался сегодня утром. В восемь часов...

В голове у Дубравина мелькнула шальная мысль: «Сейчас ведь восемь. Врет, что минуту назад...» И только потом сообразил: у Алма-Аты с Москвой разница во времени три часа. И все! После этого он почувствовал какую-то полную пустоту. Полное безмыслие. Как будто его ударили чем-то по голове.

Он ходил кругами по комнате и никак не мог понять, что делать. Верить или не верить? В его бедной голове Амантай оставался веселым, здоровым, крепким, готовым ехать на край света. И Дубравин все вспоминал его слова: «И махнем мы с тобой в Океанию! На острова. А? Ты знаешь, я в детстве читал Джека Лондона и мечтал туда попасть! Уже и маршрут наметил. Летим аж в самую Австралию. А там садимся на круизный лайнер. И к Туамоту. На острова Южных морей. Вдвоем. А?»

А теперь его нет. Но этого не может быть! Ведь он живет. Живет в нем, в Шурке Дубравине. Просто Амантай уехал. Но скоро вернется. И они вместе...

Когда через час-другой Дубравин понял, что никуда они уже не поедут, рот его скривился, подбородок дернулся. И Шурка, не в силах сдержаться, сначала шмыгнул. И вдруг отчаянно зарыдал.

Понимая, что он натурально плачет, Дубравин подскочил, влетел в ванную и принялся умываться. Потом выпил стакан воды. И вроде бы немного пришел в себя. Но стоило ему снова вспомнить Амантая, как слезы предательски выступали на глазах.

Он растерянно ходил по комнате, не понимая, что ему теперь делать. Затем лег на диван, отвернувшись к стене. И лежал так несколько минут молча. Встал, пошел на кухню к жене.

Людка возилась у плиты. И когда он коротко и растерянно сказал: «Амантай скончался» (он так и сказал: не «умер», не «погиб», а «скончался»), – она боком, боком пошла к столу, в изнеможении упала на стул, растерянно моргая.

Для них обоих это была огромная, невозполнимая утрата. С детских, школьных лет шли они по жизни, то отдаляясь, то сближаясь. И теперь, в эту минуту оба поняли, что дальше им идти без него.

Дубравину, кроме всего прочего, стало ясно, что из его жизни выпал огромный кусок. Что дорога, по которой они шли в последние годы вместе, вдруг сильно сузилась. И ощущение тупика, в который он уперся, стало для него главным.

* * *

«Похороны завтра. Да что же это так быстро? Прямо завтра. Почему? Да, Айгерим так сказала. А он прослушал. Ведь Амантай как-никак числился правоверным мусульманином. А у них с этим делом быстро. Хоронить желательно на следующий день с утра. Значит, нужно торопиться.

Это у нас могут подождать. День, два, три. Пока не соберутся все.

Что? Как? Вопросов больше, чем ответов. И все разные. Понятно, что Амантай был не только правоверным мусульманином, суфием, но в прошлом и крупнейшим государственным деятелем. А значит, его похороны могут проводиться по высшему разряду. С почетным караулом, оркестром, салютом. И участием разного рода политических фигур.

А все это требует времени. И их могут отложить.

Но как бы то ни было, надо лететь в Алма-Ату немедленно. Тем более что самолеты туда летают довольно часто. Но...»

Дело как раз в том самом «но».

Дубравин, как ни странно, не был в Алма-Ате более тридцати лет. С того самого момента, как осенью восемьдесят девятого года покинул ее фактически изгнанником.

Не случилось. Работал, строил, много летал, ездил. Бывал и в Казахстане. В Астане, Караганде, Кустанае. А вот до города своей молодости не добрался. Почему? Он и сам себе не мог четко ответить на этот вопрос. Сначала была обида. Вот вы как со мною! Практически выдворили. А потом вроде все в душе успокоилось, устаканилось, но как-то повода для поездки не возникало. Забот полон рот. И ехать без какого-то конкретного дела не было смысла. А годы шли. Не шли, а можно сказать, летели. И теперь, через тридцать с хвостиком, оказалось, что он даже не знает ничего о тех, кто остался там. Ни адресов, ни судеб. И бывшая столица Казахстана для него – терра инкогнита.

Хотя нет. Не совсем. Был у него один человек, с которым можно связаться. Это Александр Майснер. Они вместе когда-то создавали сеть предприятий. И Майснер управлял этой казахстанской сетью довольно долго и успешно.

Александр ответил мгновенно, будто давно ждал этого звонка. Голос хриплый, с одышкой:

– Здорово! Ты, наверное, по поводу Амантая? Да, завтра похороны. Приезжай. Встречу! Гостиницу закажу! Тебе подешевле?

– Да я вроде не бедный!

– Закажу «Гранд-Вояж». Есть такая тут у нас. Дешево и сердито. Четыре звезды. Бери билет на ночной рейс из Домодедова. Так летает «Эйр-Астана». Утром прилетишь. Везде успеем. Да, я тоже буду. Вместе поедем!

У деловых людей и разговоры деловые, короткие. Без сюсюканий и соболезнований...

III

Рейс ночной. Самолет заполнен наполовину.

Он посмотрел в иллюминатор. Турбины таранили крошечную тьму за бортом.

«И что они летают полупустыми? – размышлял Дубравин. – Можно же слить рейсы – утренний и вечерний».

А потом сообразил: «А ведь это даже и к лучшему, потому что много не просто свободных кресел, а целых рядов».

Сегодня был трудный день. А завтра будет еще труднее.

Он нашел свободный ряд и по примеру других пассажиров расположился сразу на трех креслах. А затем свернулся калачиком и мгновенно провалился в сон... Проснулся он от прикосновения к плечу. Молоденькая, полненькая, одетая в брючный костюм бортипроводница-казашка тихо по-домашнему произнесла:

– Есть будете?

Он сел в кресле, все еще чумной после дурного сна, и вяло махнул рукой: «Давай!»

Она сама откинула столик и разложила на нем бортовое питание в пластмассовой коробке. Дубравин вяло пожевал курицу с рисом, посмотрел на вторую проводницу, разливавшую кофе и чай. Подумал: «Какие белые, красивые, ухоженные девчонки. Как будто за эти годы вывелась новая порода людей. Даже у нас в универе таких казашек можно было по пальцам пересчитать. Молодых, белокожих пери. Девчонки из аулов – маленькие, коричневые. А вот Танабаева, Бекназарова, Биклухамедова и... как ее... еще одну звали?.. Вот черт! Уже не помню. Мы их звали белоснежками. А теперь таких, наверное, десятки тысяч. Новая страна. Новая порода людей...»

Он поглядывал в иллюминатор, но внизу зияла крошечная тьма. Не видно ни зги.

Но вот загорелся свет, люди в креслах – и лежащие, и сидящие – начали шевелиться, недовольно бормотать что-то.

Он остановил пробежавшую мимо стюардессу:

– Девушка, скоро ли посадка?

– Над Алматы густой туман. Командир решает, ждать окошка или идти на запасной аэродром в Бишкеке.

– Ясно! – сказал он. А про себя с досадой подумал: «Черт! Если пойдем на запасной, то я опоздаю на похороны. Ведь оттуда ехать через перевал более двухсот километров».

И в памяти вспыхнула, как кинолента, начала прокручиваться история полувековой давности. Тогда он, молодой сержант, служивший срочную в Новосибирске, был отправлен начальником штаба за телом погибшего в пути еврейского мальчика-наркомана. Вместе с его матерью и майором медицинской службы он очутился в степи между Алма-Атой и Фрунзе (так называлась в советские времена столица Киргизии, ныне Бишкек). Он вспомнил все: и майора, и даже шумного алкоголика, который прицепился к нему во время погрузки тела в похоронный фургон. «Боже мой! – думал Дубравин. – Полвека прошло, а в памяти осталось все, будто это было только вчера».

И мысли его, скорбные мысли, переключились на Амантая, на друзей. На время, которое не щадит никого и ничего.

А «боинг» все кружил над городом. Высоко-высоко.

Дубравин смотрел в иллюминатор. То вверх. То вниз.

Вверху он видел прозрачное черное осеннее небо и звезды. Внизу – туман. А вот вокруг!.. Он заметил, что ниже их борта медленно движутся огни. А правее – еще. И еще.

Сначала он не мог понять, что это. А потом наконец сообразил, что это не ангелы летают в небесах, а просто другие самолеты тоже кружат над бывшей столицей Казахстана. И ждут разрешения на посадку.

В томительном ожидании прошло минут тридцать. Из-за белых-белых вершин прорывались первые лучи солнца. Внизу, словно рвущаяся ткань, расплзался туман. Показались маленькие игрушечные домики пригородов Алма-Аты.

Самолет, словно птица, вздрогнул, опустил свой стальной нос-клюв и начал снижение к аэропорту.

* * *

Когда их «боинг» катился к стеклянному, похожему на волну, зданию аэропорта, туман уже полностью рассеялся. Обнажились вечные, кое-где уже убеленные снегом, горы Алатау.

Круглые фуражки и такие же круглые лица пограничников не удивляли Дубравина. Процесс национализации в Казахстане прошел давным-давно. Хорошо, что хотя бы загранпаспорт для въезда в республику не требуется, достаточно российского.

Привычно хлопнула печать, и Александр оказался в зале прилетов, выглядывая в толпе знакомые лица.

IV

Про Александра Майснера можно было сказать, что это человек-оркестр. Не в плане веселости, музыкальности и артистичности, а в смысле родословной. Намешано в нем было немало «генофонда». Отец – советский детский писатель, еврей по национальности. Мать – русская, из Рязанской губернии. Сам он был женат на уйгурке, а дочери его жили в Канаде. В общем, полный интернационал.

Это и отметил Дубравин, когда увидел знакомое лицо: опущенный горбатый нос, высокий череп с залысинами и редующими на макушке волосами, под крутым лбом угнездились припухшие, красные то ли от недосыпа, то ли от перепоя, глаза. Фигура Майснера напоминала шкаф с выпирающим животом.

Увидел Дубравина – обрадованно улыбнулся. Замахал рукою.

– Ну, ты и вымахал! – только и смог произнести Дубравин, высвобождаясь из крепких объятий.

– Марина! – представил Майснер свою спутницу, полненькую, небольшого роста, круглолицую, добродушную даму.

Почеломкались троекратно, по-русски.

Из-за спины шефа нарисовался чернявый водитель, Олег. Похоже, русскими в нем были только имя и фамилия. А так, с виду – широкоскулый, темнолицый, с живыми черными глазами – вылитый азиат.

Свое дело Олег знал: быстро взял из рук Дубравина его черный кожаный дорожный кофр и зашагал впереди. Пока двигались к машине, оставленной на стоянке аэропорта, Майснер излагал свой план передвижения:

– Сейчас мы поедem к Айгерим. Это его старшая, можно сказать, законная байбише. Так положено! А потом уже двинемcя на поминальный ас и в гостиницу.

Дубравин абсолютно не возражал и отдался на волю хозяина.

Белая «тойота» с желтым номером совместного предприятия выкатила с территории аэропорта и почему-то двинулась не в центр, в сторону Красногвардейского проспекта, ныне улицы Суюнбая, а вбок, как бы начиная объезжать Алма-Ату. Дубравин не удержался, спросил:

– Куда это мы?

– А! Ты же не знаешь! – ответил ему с переднего, хозяйского, сиденья Майснер. – У нас тут построили окружную дорогу. Если ехать по-старому через город, встанем в пробках и точно будем часа два толкаться. Утро ведь. А так объедем по кольцевой. И сверху проскочим «огородами» в самый центр.

Пришла очередь удивляться Дубравину. Первое, что он увидел, объезжая бывшую столицу Казахстана, была предгорная часть, застроенная огромными величественными, блестящими на солнце зданиями офисных центров.

Это было невероятно.

Дубравин, который сам в молодости был строителем, еще с советских времен знал, что строить высотные дома в предгорьях было категорически запрещено по двум причинам. Во-первых, Алма-Ата находится в сейсмической зоне. Во-вторых, город расположен в горной котловине и не продувается степными ветрами. И поэтому советские власти, чтобы не лишать его притока свежего горного воздуха, который спускается по ущельям, запрещали строительство у подножия. Теперь все табу отменены. И гигантские здания «закупорили» ущелья. Но похоже, это никого не волнует.

Соскользнув с кольцевой автодороги, японская машина нырнула на узенькие улочки еще сохранившихся пригородов. Это царство корявых бетонных заборов, побитого во многих местах асфальта и плодовых деревьев, высаженных прямо по улице. Преодолев и это простран-

ство, они неожиданно оказались в квартале, еще с советских времен считавшемся элитным. Здесь все сохранилось в том же состоянии: пятиэтажные дома с огромными пятикомнатными квартирами, металлические ограды, специальные скрытые подъезды, через которые проходили и садились в персональные черные «Волги» номенклатурные работники. Все осталось на месте. Даже небольшие незаметные будки внутри дворов, где дежурили милиционеры. А вокруг и внутри этого чудо-квартала росла густая южная зелень: цвели клумбы, шумели деревья. Тут как осела, так и осталась жить элита.

В самом центре этого райского уголка стоял двухэтажный аккуратный особнячок. В нем когда-то доживал свои дни опальный, а ранее всемогущий, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев. Теперь он здесь не живет. Но памятник ему от благодарного казахского народа стоит. Хороший такой памятник: бюст трижды Героя Социалистического Труда.

Во дворе соседнего дома наблюдалось небольшое столпотворение из машин. Сегодня милиция никого не останавливала. Заезжали свободно. Потому что здесь были похороны.

Майснер местный. Знаком со всем и вся. Но и он слегка оробел, когда шел к подъезду и двери. Остановился, набрал номер телефона вдовы, выслушал объяснения. И наконец они с Дубравиным вошли в подъезд и поднялись на этаж. Двери квартиры Турекуловых были открыты, в доме полно народа. Постоянно кто-то входил и выходил.

Александр взгляделся в лицо сорокалетней женщины, чем-то неуловимо напоминавшей самого Амантая. И догадался: «Бог мой! Это же его дочка!»

Когда-то давным-давно в той, совсем другой, жизни они с Амантаем встречали Айгерим из роддома. И Дубравин запомнил маленькие сморщенные красные личики туго спеленутых и завернутых в одеяла младенцев. Одно одеяло розовое – для девочки. И голубое – для мальчика. И вот теперь сорокалетняя дочь Амантая встречала их на пороге.

– Мама ждала вас! – сказала она, провожая их в комнату, где сидели четыре женщины. Кто же из них она, красавица Айгерим? Навстречу Дубравину поднялась, опираясь на костыль, расплывшаяся, толстая байбише, вся в слезах, с красным распухшим лицом. Дубравина, который не видел ее с молодых лет, поразила эта перемена: «Неужели и мы так изменились?!» – подумал он, обнимая полное тело вдовы друга.

– Вот, прилетел, – сказал он всхлипывающей на плече женщине, – первым самолетом!

Они присели к столу, и Айгерим, утирая слезы платком, наверное, уже в который раз начала пересказывать историю случившегося. Дубравин уже ее слышал. Но не стал перебивать женщину. Потому что понимал: ей надо выговориться. Рассказать все. Если уж он почувствовал образовавшуюся в жизни огромную дыру, брешь, которую не закрыть никогда и никому, то что чувствовала она? Потерять все – саму жизнь, источник жизни, силу жизни! Как бы ни складывались их отношения, все равно она твердо знала, что Амантай – ее надежная опора.

Дубравин смотрел на ее красное толстое лицо, слушал ее всхлипы и понимал ее утрату. А она все говорила и говорила. А потом замолчала, вытерла слезы с лица и так неожиданно произнесла:

– Все вы, мужики, – предатели!

– Ты все ждешь, ждешь, что он уйдет к молодой. С ужасом ждешь. А он берет и умирает. И ты все равно остаешься одна. Никому не нужная...

– Ну, что ты, Айгерим! – только и смог сказать Шурка, потому что по существу возразить нечего. И перевел разговор в другую плоскость:

– Как это случилось? – спросил он, подразумевая, конечно же, не автомобильную катастрофу, о которой она только что говорила, а то, что происходило потом, в больнице после операции.

– Он был в сознании, как ни странно, – рассказывала Айгерим. – До самого конца. Я старалась быть рядом. Кроме травмы черепа, у него еще был раздроблен таз. Ему было трудно

это осознать. Понять, что произошло. Все было так внезапно. Он просто не верил. Не хотел верить...

– Во что верить?

– В то, что умирает. Я старалась не говорить о смерти. И врачи... Хотя они понимали, что шансы на спасение невелики. Делали, что могли, но началось заражение крови... Ах, это было ужасно. Я пыталась поддержать его.

– А что потом? Потом, когда он понял? – выпрашивал Дубравин, который и сам уже начинал задумываться о вечных вопросах бытия. И страстно хотел понять, что чувствовал близкий ему человек при приближении к тому неизбежному, что ожидает каждого из нас.

– Он хрипел и кричал. Превозмогая боль. От гнева и возмущения. Кричал на меня. На врачей. Почему они не могут ему помочь? Ведь он им столько заплатил. Я так понимаю, что это был его протест. Да, так он протестовал и, можно сказать, негодовал на судьбу. Почему все остаются жить? А он должен умереть? Живут десятилетиями безнадежно больные, никому не нужные старики, алкоголики, бомжи. А он должен умереть! Это было самое трудное. Пережить все это. В какие-то моменты он негодовал на Аллаха. Мне казалось, что я сойду с ума от всего происходящего. Было очень тяжело, когда он винил всех окружающих. В том числе и меня. Хотя, Аллах видит, я всегда была ему верной женой... Несмотря ни на что...

Айгерим замолчала на минуту. Дубравин видел: ей хотелось высказать все претензии, которые накопились и у нее за долгие годы жизни. Но она, как восточная женщина, в конце концов подавила это желание и замолкла, как бы ушла в себя. Молчание затягивалось, и Шурка уже собрался было, как говорится в таких случаях, откланяться, чтобы ехать в гостиницу, но Айгерим все-таки решилась высказаться:

– Я бы с радостью отдала свою жизнь... Но только она ему не была нужна. Я это всегда чувствовала. С тех самых пор, как нас поженили тогда...

Дубравин и так знал, что друг не особо жаловал свою вторую половину. Свою байбише – старшую, как говорил по ее поводу сам Амантай. Так что лгать, утешая ее, ему не хотелось. Но он понимал, что она ждет от него чего-то.

– ...А потом он понял, что впереди неизбежность. И стал просить Аллаха об отсрочке. Все бормотал: «Только не сейчас. У меня еще столько дел. Мне нужно совсем немного, чтобы успеть их доделать». Он говорил, что будет жить совсем по-другому. Успеет столько сделать для людей. Но силы уходили, он слабел на глазах. Я видела это, я чувствовала, как он уходил. Уходил куда-то. То проваливался в небытие, то приходил в себя. Не хотел больше никого видеть, вести какие-то разговоры. Он сожалел обо всем, что происходило плохого в нашей с ним жизни. Просил у меня прощения. И уходил все дальше и дальше. Я думаю, он готовился принять ее...

Дубравин не стал уточнять, кого готовился принять его самый близкий друг. И так понятно, что это была последняя женщина в его жизни – смерть.

– А потом он стал таким спокойным. Таким тихим. Как будто что-то понял. Приходила я. Приходили дети. Он смотрел на всех нас каким-то отстраненным, каким-то внутренним взглядом. В этот момент он жестами просил, чтобы мы молчали. Ничего не говорили. Как будто мы мешали ему разговаривать внутри себя с кем-то. Он позвал муллу... Того самого... И очень долго они о чем-то говорили. Наверное, о вечном. Я не знаю. И не спрашивала у муллы. Но в последнюю нашу встречу...

Дубравин смотрел за окно. Там на ветку с желтыми скрюченными листьями села неизвестно откуда взявшаяся серая птица. Смотрела круглым немигающим взглядом в окно. Качалась. А потом резко взмахнула крыльями. И с прогибающейся ветки, как с трамплина прыгнул в воду, рванулась вверх, в небо...

– ...В последние часы он будто что-то принял внутри себя. Успокоился. И лежал такой умиротворенный. Так все было...

В это время в дверях комнаты показалась дочка. Сказала, что приехали люди из мэрии.

– Пусть подождут! – с жесткостью, которой Дубравин не ожидал, сказала Айгерим.

Он встал, начал прощаться. И, обнимая расплывшееся тело байбише, неожиданно даже для себя самого сказал:

– Знаешь, он всегда любил тебя! Просто вы не поняли друг друга.

Она как-то недоверчиво отшатнулась. А он подумал: «Ничего я не соврал! Пусть это греет ее. Не могли же они прожить целую жизнь вместе не любя. Что-то все равно было. Только мы поздно понимаем».

У дверей она остановила его. И спросила:

– Люди говорят, что он оставил завещание. Но где оно, я не знаю. Может быть, ты, Саша, знаешь? Ведь ты был его самым близким другом. Он всегда говорил о тебе только хорошее.

Дубравин пожал широкими плечами. Он действительно никогда не слышал от Амантая ничего о завещании. Может быть, что-то и было. Но, по его ощущениям, Турекулов собирался жить вечно.

V

Они ехали по прямым, широким, обсаженным тополями проспектам Алма-Аты, и Дубравин никак не мог привыкнуть к новым названиям на стенах домов. Улицы были те же – Коммунистический, Фурманова, Горького, Комсомольская. А вот названия у них поменяли на другие. Он читал: Абылайхана, Назарбаева, Жибек Жолы, Толе би. И еще каких-то батыров, султанов и биев. Была библиотека имени Пушкина – стала Национальной... Для кого-то эти новые названия что-то значат. Для Дубравина – пустой звук.

В одном месте он увидел очертания знакомой по Москве буквы «М». Спросил у попутчиков:

– А это что?

– Это метро!

– Метро?! – удивлению Дубравина не было границ. Когда он уезжал из Алма-Аты, то о метро только говорили да ставили во дворах люки вентиляционных отверстий, похожие на вкопанные в землю железные бочки. А теперь вот метро. Надо же!

– Девять станций построили, – с гордостью заявил Майснер.

– Всего? – снова удивился Александр. – За тридцать лет?

– Ну, его то строили, то бросали. В зависимости от того, были деньги или нет. Да постоянно сажали начальников строительства за хищение денежных средств. Проще говоря, за то, что тырили бабки.

– Слушай, – Дубравин заметил на улицах какую-то странную пустоту, – ведь сейчас осень. Насколько я помню, в Алма-Ате всегда на улицах выставлялось огромное количество лотков. И с них торговали яблоками, овощами. А сейчас ничего этого нет. Что, неурожай?

– Что крестьяне, то и обезьяне! – вступила в разговор подруга Майснера Марина. – У нас Главный хозяин назначил мэром города молодого музыканта, сына своего дружка. Тот учился в Европе, долго там жил. Вот и решил сделать наш город «европейским». Разогнал всю уличную торговлю, порубил множество деревьев...

– А это зачем?

– Ну, они пригласили какого-то японского, что ли, архитектора, и тот им присоветовал: чтобы, мол, городская архитектура смотрелась лучше, надо вырубить деревья, и тогда здания будут выглядеть более выигрышно.

– Он что, идиот? – спросил Дубравин. – Ведь деревья летом дают тень. Здесь же жарища такая, что не вдохнуть! Тут же везде арьки были специально проложены, чтобы поливать деревья, чтобы прохлада была. Так задумано было...

– Что крестьяне, то и обезьяне! – загадочно повторила Марина. – Стараются изо всех сил быть похожими на Европу. Хотя какая тут Европа! Сплошная Азиопа!

– Надо обменять деньги! – вспомнил Дубравин. – А то у меня только рубли.

– Вот с этим у нас проблем нет, – ответил Майснер. – Обменников полно!

И обратился к Олегу:

– Вон там на углу причаль. Видишь огни? Там хороший обменный курс.

– И какой он у вас сейчас? – спросил на всякий случай Дубравин.

– Один к шести практически!

Дубравин присвистнул. Он помнил те времена, когда тенге был дороже рубля. То есть если рубль за эти годы падал стремительно, то казахстанская валюта летела вниз еще быстрее.

В обменнике на десяток своих красных пятитысячных купюр он получил целую пачку сиреневых – похожих на евро, но с азиатским колоритом.

* * *

Новое, внушительное здание гостиницы «Гранд-Вояж» на углу улицы Курмангазы и проспекта Сейфуллина смотрелось монументально, солидно, по-европейски.

Внутрь вела вращающаяся дверь. На полу лежал ковер. Просторный холл украшал огромный аквариум с «золотыми рыбками», стильные кресла. Но был на всем этом налет какой-то азиатскости.

Дубравин не мог точно определить, в чем он состоял, этот едва уловимый налет. В тоне персонала? В каком-то домашнем разговоре между Мариной и девушкой-казашкой на ресепшен? В орнаменте ковра? Или в чем-то еще? Кто его знает!

Но то, что он существовал, – это Дубравин чувствовал точно.

Лифт блестел нержавеющей металлом, шел плавно, каждый этаж отмечал металлическим голосом. Вполне себе современный лифт. На этаже – пол из черного мрамора, электронный ключ, в номере все с иголочки: простыни белейшие, тончайшие, подушки пушистые, мягчайшие. Чисто, ничем не пахнет. Европа! Вот холодильника почему-то не было – странно. Дубравин кинул вещи и сразу отправился в душ. Там тоже все блестело металлом.

В общем, неплохо для Центральной Азии.

Но расслаживаться было некогда, потому что приехал он сюда не развлекаться, не удивляться всем тем изменениям, которые произошли. Он приехал на похороны.

* * *

Вновь замелькали пригороды Алма-Аты. Дубравин видел стоящие вдоль дороги солидные, искусно украшенные здания, на которых горделиво красовались вывески: «Ресторан», «Банкетный зал». Их было так много, что по старой журналистской привычке Александр поинтересовался у сопровождающих:

– Слушайте, отчего у вас здесь такое огромное количество ресторанов и банкетных залов? Кто их заполняет? Неужели народ живет так богато, что может позволить себе гулять с утра до вечера? Я помню, в советское время здесь был всего один такой крупный ресторан. Назывался он «Алма-Ата». Располагался в центре города. И то народ заполнял его, только когда были свадьбы или юбилеи!

Сказав это, он вспомнил свадьбу Амантая, на которой впервые увидел национальные казахские обряды и обычаи... А Майснер не то чтобы усмехнулся, а даже как-то осклабился:

– Это не от богатства.

– Это бизнес по-казахски, – усмехнувшись, добавил Олег.

– Здесь той устраиваются. Торжества по-нашему. Свадьбы, похороны, праздники...

– А при чем здесь бизнес?

– Ну, как тебе объяснить... – вступила в разговор Марина, – ты, наверное, помнишь еще с советских времен такую присказку...

– Все казахи – родственники, – вставил свое слово Майснер.

Дубравин, конечно, знал, что все казахские роды, племена, землячества связаны между собой.

– Ну, так как все казахи родственники, то на этой базе они и проявили смекалку. В казахских обычаях принято собирать на какие-то торжественные события всех родственников, как говорится, до седьмого колена. А их у каждого набираются сотни. И по каждому торжественному случаю – будь то свадьба, поминки, обрезание, сватовство – нужно проводить той или ас.

– Да, я помню в первом томе романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая», в начале, подробно описан ас Божея. – проявил осведомленность Шурка.

– Во-во! Ас! Той! Короче, большая, если не сказать, грандиозная пирушка...

– Обжираловка, – поддакнула спутница.

– В общем, на каждое такое собрание приглашенный должен принести подарок. Сейчас чаще всего это просто деньги. Вот находчивые люди и смекнули. Если пригласить, скажем, пятьсот человек, и они принесут в подарок по две тысячи (на ваши деньги), это будет уже миллион, который покроет все расходы. И еще останется прибыль. Дальше – больше. Нашлись ловкачи, которые превратили эти народные гуляния в бизнес. Они берут, скажем, кредит в миллион. Заказывают баурсаки, самсу, плов, казы, мясо по-казахски. Приглашают родственников. Те приносят по две-четыре тысячи. И получается в остатке сто процентов прибыли. То есть остается еще миллион.

– И пошла писать губерния?! – понимающе подхватил Дубравин.

– Ну да! И это приняло такие гигантские масштабы, что вокруг городов поднялись все эти огромные банкетные залы.

А пока японский автомобиль нес их на окраину Алма-Аты, Дубравин все изумлялся произошедшим с его любимым городом переменам, и не всегда они его радовали.

«В чем-то он сильно деградировал, – опытным взглядом замечал Александр, – арыки нечищены. И в них нет воды, которая раньше давала городу прохладу, а деревьям – драгоценную влагу. Сами деревья на улицах выглядят неряшливо – не подстрижены, и видно, что давно не белены. На улицах у пустых арыков сидят какие-то странные люди в поношенных одеждах».

И снова спросил Дубравин у своих попутчиков:

– Кто это? Откуда такие странные черно-копченые лица?

– Это оралманы! – пояснила Марина. – Переселенцы из Монголии и Китая. Главный хозяин пригласил их, чтобы компенсировать численность населения, потому что многие покидают страну. Вот приехали эти, полудикие. Местные казахи-то цивилизованные, чистенькие. А эти – как видишь. Они сидят на обочинах, ждут, чтобы кто-то нанял их на работу.

«Значит, Казахстан так и продолжает подпитываться мигрантами, – подумал Дубравин. – Это сколько их, красавцев, теперь!»

Словно угадав его мысли, Марина добавила:

– Почти миллион их въехал.

Машина теперь двигалась по бывшей улице Дзержинского, где когда-то в серо-стальных зданиях располагался республиканский КГБ. В годы студенческой юности тут допрашивали Дубравина и его друзей по поводу нежелательных контактов с иностранцами. Что было – то было...

Но теперь на входе в бывший КГБ висела вывеска, что здесь располагается какая-то картинная галерея.

– А на соседней улице, – пояснил Майснер, – там, где раньше были камеры внутренней тюрьмы КГБ, после девяносто первого открыли музей репрессий. Потом и музей выгнали. И там теперь тюремный блок местного Комитета национальной безопасности.

– Все вернулось на круги своя! – меланхолично произнес Александр, на которого нахлынули воспоминания юности...

– Корейский театр, – отмечает Марина, – теперь не корейский. В его здании располагается уйгурский театр.

Из окна машины было видно, что русские лица на улицах встречаются редко-редко.

«Как будто они попрятались, – думал Дубравин. – А ведь наверняка их еще много. Город то сначала развивался как военный опорный пункт, а дальше – как культурный и административный форпост российско-советской империи. Теперь же он очень сильно стал похож на южные города Казахстана. На Чимкент, Кзыл-Орду, Джамбул... Н-да! Ответшала Алма-Ата, однако. Я бы сказал даже: обазиятилась!»

С этой мыслью он снова обратился к спутникам.

– Да, с одной стороны, потерял «Отец яблок» свой колорит. С другой – ему усиленно прописывают европейские нормы, – подтвердил Майснер. – В центре разместили прогулочную зону, такой длинный променад, и обсадили экзотическими деревьями, которые привезли бог знает откуда. И знаешь, по какой цене обошлось каждое дерево?

– И не предполагаю даже!

– Пять тысяч евро штука!

– Да ну! Они что, охренели совсем?

– Это все – чтобы понравиться Папе.

– Кому?

– Ну, тому, кого у нас все зовут Папой. Ему этот променад показывали и приговаривали: «Вот у нас – как в Париже!»

– Точно, как в Париже! – заметил Дубравин. – Только дома пониже и асфальт пожиже.

Ему было обидно за то, что город, который всегда имел собственное неповторимое лицо, новые хозяева теперь превращают в чью-то плохую копию...

Замелькали слева здания студенческого городка КазГУграда. И хотя теперь его отделанные розовым ракушечником здания частично закрывали расположенные вдоль проспекта небоскребы из стали, бетона и стекла, все равно студенческая альма-матер Дубравина смотрелась живописно и здорово. Когда-то, пол столетия назад, там росли огромные яблоневые сады. Но сорок лет назад их вырубili и начали строить студенческий городок. Стройка велась хозспособом, так что Дубравин и его друзья тоже приложили руку к строительству общежитий, в которых и сами обитали некоторое время.

Слева, на знакомом предгорном холме, Дубравин увидел еще одно знаковое сооружение – трамплин для прыжков на лыжах. «Боже мой! А ведь я когда-то здесь учился кататься на лыжах. Сам. По купленной в Москве брошюре. И научился. Да, славное было время!»

С этим катанием у него была связана целая история... Впрочем, здесь, в Алма-Ате, у него куда ни кинь – везде история жизни. Что-то с чем-то связано. Здесь он работал на стройке. Тут учился. Там у него жила девушка. Как говорится, каждый камешек напоминал ему о прошлом. О молодости. О друзьях. О любви.

* * *

А Александр Майснер продолжал рассказ для гостя:

– А вон, на новой площади – видишь? Памятник событиям декабря тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Во-он он! Арка! На монументе – солдаты, овчарки...

Память послушно развернула тот день, когда горели на площади пожарные машины и хвойные деревья, раздавались крики, и толпы очень похожих молодых студентов и студенток, словно волны, сталкивались с идущими на них солдатскими и милицейскими цепями. А ему, только начавшему работать в молодежной газете корреспонденту, надо было выбирать, где он, на чьей стороне...

Он выбрал и не ошибся. Здесь теперь другая жизнь, и в этой жизни, ясное дело, ему бы места не было.

Разговор снова зашел о прошлом, о людях, которые остались. И Майснер заметил:

– Остаются такие, как мы, которые прожили здесь жизнь. Выросли в нее, в Алма-Ату. Нам уж, как говорится, здесь и доживать. А молодежь русскоязычная разъехалась. Вот у меня: одна дочка уехала в Норвегию, вышла замуж. Другая устраивается в Канаде, получила вид на жительство. Сын вот еще учится в гимназии. Надо его поднимать. Но ждем в основном на язык. Чтобы тоже мог учиться где-то на Западе или в Израиле и там остаться.

С одной стороны, опечаленный такой позицией, а с другой – обнадеженный, Дубравин молча наблюдал за мелькающими пейзажами. Кажется, они подъезжали к месту действия. Это

он определил по тому, что обе стороны дороги были заставлены автомобилями всех возможных цветов и марок.

А Олег зыркал по сторонам, пытаясь найти место для парковки. Наконец, после нескольких кругов, им удалось неплохо притулиться.

VI

Банкетный зал огромен. Построен в виде гигантской стилизованной юрты, раз в сто превышающей настоящую.

Они толкнули двойные узорчатые двери и вошли в «предбанник». Взгляду Дубравина открылся холл со стенами, обитыми белым шелком, а в нем – большое пятиметровое панно из живых красных цветов.

Мимо панно они прошли в главное помещение – тоже огромное и сплошь заставленное покрытыми белыми скатертями круглыми столами. Возле столов стояли кресла с высоченными спинками и тоже в белых чехлах. Большинство кресел были уже заняты людьми всех возрастов.

С потолка свисали шикарные хрустальные, ярко горевшие люстры. Вдали, у противоположной стены, висел огромный черный экран. На экране демонстрировались цветные фотографии живого и жизнерадостного Амантая: вот он серьезный, в свадебном костюме во Дворце бракосочетания, вот он на лыжах в Австрийских Альпах. Теперь с президентом... Люди, сидевшие за столами, ели, говорили. Многие ходили по залу в поисках знакомых.

К ним подошел молодежавый казах, в котором Дубравин узнал сына Амантая. Майснер о чем-то поговорил с ним, но Дубравин не прислушивался. Распорядитель в черном костюме предложил им занять место за большим круглым столом в центре зала.

Под траурную музыку на экране продолжал крутиться фильм о жизни казахского реформатора. А он, Шурка Дубравин, в возрасте здорово за шестьдесят, никак не мог поверить в то, что это об Амантае, которого больше нет. И ему начинало казаться, что он присутствует на каком-то грандиозном спектакле. А еще точнее – при каком-то розыгрыше.

Зал заполнялся все больше и больше. Распорядитель, который встретил их на входе, и его помощники из числа родственников и друзей рассаживали прибывающий народ. Вот к их полупустому столу он подвел двух малельких, как показалось Дубравину, немало поживших женщин. Одеты обе были строго, в черные одежды. Он взгляделся в их лица, увидел что-то знакомое, но давно забытое, и наконец понял, что это его однокурсницы – Магрифа Ганузакова и Каражан Султанова. Сорок лет как они не виделись! Магрифа была тогда пухлая, беленькая, симпатичная девушка. Каражан – кровь с молоком – юная, краснощекая, полная жизни и энергии. Сейчас, по ощущению Дубравина, они как бы сжались, уменьшились в объемах.

Они уселись за стол, посмотрели на Майснера, на Марину. На него. И... не узнали. Да, не узнали – так он изменился за эти годы.

Дубравин встал из-за другого края стола, подошел к ним, остановится возле Магрифы и спросил:

– Магрифа! Ты меня не узнаешь?! Вы меня не узнаете? Обе с изумлением вытаращили (другого слова и не подберешь) на него глаза. Каражан даже надела круглые очки. Магрифа наконец начала понимать и с чувством некоторого изумления, с одной стороны, а с другой – сомнения спросила:

– Саша, это ты?

– Я! Неужели так изменился?

– Ойбай! Ты стал такой огромный! – пролепетала Султанова, вставая со стула.

Они поочередно обнялись, прикладываясь к щечке, и Дубравин почувствовал тонкий запах парфюма. Все снова расселись рядом, и разговор, бестолковый, как весенний ручей, начался заново.

Охи-вздохи-всхлипы. Короткие воспоминания. А помнишь? А что же ты?..

Магрифа произнесла:

– Вот по какому поводу довелось нам с тобою встретиться. Это сколько же лет прошло?

– Так вот жизнь сложилась! – вздохнул Дубравин, подразумевая здесь все: и работу, и распад страны, поставивший их в свое время по разные стороны баррикад. И потом строительство новой жизни... И вот финал. Нет больше Амантая...

Султанова достала из сумочки телефон и кому-то ответила:

– Да, здесь, мы в центре зала. Подходи! Удивишься.

Через минуту на горизонте появился – кто бы мог подумать, но Дубравин сразу его узнал – Серега Степанов. Все такой же, только толстый, грузный и в очках. А рядом – худенький живчик с бледным белым лицом, Андрей Кирсанов! Когда-то в университете их звали Болек и Лелек – по аналогии с героями польского мультфильма. В сущности, они такими и остались. Хотя Степанов всю жизнь прожил в Алма-Ате, с одной женой, нарожал детей, занимал разные должности в местных газетах и в период упадка стал даже редактором некогда самой главной партийной газеты «Казахстанская правда», то есть практически повторил путь своего отца. Второй же, как ни странно, уезжал на освоение БАМа, работал собкором на Дальнем Востоке, много метался по стране, женился, разводился, но в конечном итоге вернулся на родину в Алма-Ату – доживать, дорабатывать.

Только-только у старинных друзей начал налаживаться какой-то разумный диалог, как Магрифа кинулась от стола куда-то в глубь зала, как кидается рыбак с сачком, когда замечает угодившую на крючок большую рыбу, которую надо срочно подсесть и вытащить на сушу. «Большой рыбой» оказался еще один их однокурсник, Аяган Кендыбаев. Тоже сильно составившийся, но вполне бодрый.

Оказывается, Амантай был дорог не только своей узкой тусовке чиновников и тех, с кем работал. В этом огромном зале, ярко освещенном красивыми люстрами, отдавали дань памяти своего благодетеля деятели культуры, художники, поэты, журналисты. Молодые и старые, умные и не очень, они нескончаемой чередой выходили к микрофону и говорили, говорили, на русском и казахском, иногда проникновенно, иногда – от сердца, со всхлипами и без – слова лились рекой. «Он наш благодетель! Помогал... При его работе акимом Алма-Аты мы узнали, наконец, заботу... Я познакомился с ним, когда... Мы были с ним вместе в тот период, когда еще только зарождалась наша государственность... И уже тогда Амантай Турекулович...»

А в зале шли свои разговоры-переговоры. Они прерывались только иногда, когда на сцену выходил, может быть, очень известный оратор или расторопные официанты приносили очередную смену блюд. Тогда говорящие отвлекались на минуту-другую...

Дубравину, который был «не в теме» по причине своего отсутствия в стране последние несколько десятков лет, что-то было понятно в этих рассказах, намеках, хитросплетениях, что-то – нет. И тогда он обращался к Майснеру за разъяснениями.

Разговор в целом вращался вокруг высших государственных сфер и касался в данную минуту внука Хозяина, который чудил так же, если не круче, чем чудил его батюшка – зять Отца народа.

– Он что устроил, – отправляя пахучий, поджаристый баурсак в рот и запивая его душистым чаем из пиалы, рассказывала Магрифа. – Не так давно вышел, так сказать, к народу через «Фейсбук» с заявлением: «Моя профессия – внук Отца народа». И давай наезжать на всех, кто когда-либо работал с его дедом, раздавать указания. На акима: мол, немедленно осуши болото, от которого в городе воняет, а то я тебя самого поселю жить туда! На ближайших соратников, в том числе и на нашего дорогого Амантая. Стал обвинять его во всех мыслимых и немыслимых грехах. Такова благодарность потомков за все, что сделало старшее поколение.

– Но это еще не все, – подлил масла в огонь сосед Дубравина по столу. – Он устроил у себя ремонт квартиры по итальянскому проекту. Стоимостью в два миллиона долларов! Нанял для работы специалистов. И, что самое интересное в этой истории, – во главе их было два внука генерала Панфилова.

– Того самого?

– Да, того легендарного командира дивизии, что отстояла Москву...

– Ну-ну! Это действительно интересно! – ждал продолжения рассказа, слушая вполуха речи со сцены-трибуны, Шурка.

– Они, кстати говоря, наполовину русские, наполовину казахи. Те ремонт сделали. Внук Отца народа приехал, посмотрел. Ему не понравилось. Он им – счет: «Вы мне должны!» Все в духе незабываемых девяностых. Они ему в ответ: «Мы сделали по утвержденному проекту, вот он». Он тогда: «Я вас посажу!» И завел на людей дело. Ребят посадили. Мать, дочь генерала Панфилова, пришла к нашему Амантаю Турекуловичу. Тот решил предать дело огласке. Пригласили западные СМИ. Конечно, все дошло до «ноль первого». «Внук Отца народа против внуков легендарного комдива». Дедушка позвал внука к себе: «Ты что, охренел, что ли? С горы упал? Позоришь семью!» Выпустили мужиков из СИЗО.

– Да, дела тут у вас творятся! – заметил Дубравин.

А сам думал: «Значит, немало у нашего Амантая врагов. То-то они теперь радуются». И, словно услышав его мысли, Серега Степанов сказал:

– Как было здесь всегда развито разбойничье дело, так и осталось.

– Это ты в смысле барымты? – оживился и, не удержавшись, спросил Дубравин. Он мгновенно вспомнил, как еще в советские времена расследовал дело орденосца-барымтача – угонщика верблюдов. Только вот фамилию забыл. Осталось в памяти только, что обидел тот тогда его армейского друга Амантая Тамнимбаева.

– Ну, кое-что изменилось в этом любимом деле местных властей. Раньше угоняли скот. А теперь отнимают бизнес. Здесь все так: каждый бизнес должен быть под кем-то. Иначе – смерть.

– Ну, молодежь-то, наверное, растет другая. Не зря же «ноль первый» в свое время сделал ставку на обучение за границей. Туда, как я слышал, поехали тысячи.

– Поехали-то тысячи! Да только продвигает выживающий из ума Папа только своих.

– Н-да! Круто вы судите. Так значит, в последнее время Амантай был у него не в чести? Серега даже заозирался.

– Как-то внешне это мало проявлялось. Он ведь человек известный... Но, судя по тому, что у его родственника был отжат «Казкомбанк», это так.

– А у второго племянника, – вставил лыко в строку Аяган, – зять «ноль первого» отжал нефтеперерабатывающий завод...

– Да что говорить! Общее ощущение такое, что сам Папа зачищает систему от старых кадров. Два бывших начальника Комитета национальной безопасности сидят в тюрьме за госизмену. Один вышел и сразу умер. Второго осудят.

Слушая этот застольный треп, Дубравин, с одной стороны, делал соответствующие выводы о происходящем в республике, в которой он не был столько лет. С другой, его как-то коробили эти разговоры. Потому что еще, как говорится, не остыло тело его близкого друга, и он ожидал чего-то другого от собравшихся. И вдруг его словно что-то толкнуло: «Очень даже возможно, что смерть Амантая не была следствием каких-то случайностей...» К тому же весь его жизненный опыт подсказывал, что то, что мы считаем случайностями, – это всегда закономерность вещей, о которых мы просто не знаем...

К их столу подошел молодой мужчина лет сорока – сорока пяти. Поздоровался со всеми вежливо. Магрифа наклонилась к уху Дубравина и прошептала уважительно и с ноткой зависти:

– Это Серик Байкасов. Молодой мультимиллиардер.

«Этакое средневековое иезуитство!» – подумал Дубравин, вслушиваясь в разговор, завязавшийся между Байкасовым и Аяганом: они в это время обсуждали день рождения новой столицы. Дело было в том, что жителей Алматы (так теперь надо писать название города) тоже

привлекли к празднованиям. И оба собеседника осуждали хитрость властителя, устроившего это шоу.

– Эта история с переименованием отличается обычной для Папы лукавой двойственностью! – с запалом, присущим молодости, изобличал Байкасов. – Столица названа одновременно именем президента и одним из имен Аллаха.

– Заметь, что день рождения столицы совпадает с днем рождения «ноль первого»! – кивая седой гривой, добавил Аяган.

– В этом-то и дело! В этом-то весь он. Заставлять жителей бывшей столицы праздновать именины новой и одновременно подразумевать под этим действием празднование своего дня рождения.

– В этом он весь, – согласился собеседник.

«О чем угодно люди говорят. Но не о потере. Кем был для них Амантай? Большой начальник. Политик. Разве могут они понять, кем он был для меня? А может, не хотят говорить. Потому что трезвые. Да, ислам прочно вошел в их жизнь! И даже на поминках, а этот ас, наверное, все-таки по-нашему поминки, водку не приносят. Конечно, они пьют. И пьют много. Но на таких вот значимых событиях стараются обходиться чаем да традиционным кумысом...»

Неожиданно даже для самого себя Шурка провалился в прошлое и вспомнил, как они с Амантаем в последний его приезд в Луговое захотели поплавать ночью в реке, которая текла рядом с домом. Вышли из дома. Прошли вверх по берегу километр-другой, и уже там, за селом, спустились на песчаный прибрежный пляжик. Из одежды на них были только плавки. И они смело вошли в теплую, как парное молоко, воду.

Вода темная. Небо темное. Закрыто тучами над головой. Тишина. Слышны только голоса птиц в лесу на том берегу. А на этом, обжитом, светились окна домов. И тут откуда-то из-за горизонта напозднили тучи. Заморосил легкий мелкий дождик. Капли зашлепали по воде, а потом уже начали, холодные, по их бедным головушкам сечь. Решили пробираться к дому вплавь.

Как ни странно, по воде путь оказался длиннее, чем тот, что они прошли посуху. В общем, Амантай подустал, и они вылезли на бережок под высоким склоном. А дождик что-то разошелся. Кругом ночь, тьма. Амантай почему-то испугался, что не доплывет, и Шурка долго его уговаривал вернуться обратно в воду. Но тот заупрямился. Уж что-что, а упрямитесь он умел. Потом впал в ступор.

Тогда Дубравин прошел вдоль по берегу. Наткнулся на спущенные с высоты обрыва деревянные мостки. Не церемонясь, навалился на них и выломал из этих мостков большую широкую доску. Притащил ее сидящему у воды Амантаю, швырнул в воду рядом с ним, отдышался и скомандовал: «Сядь на доску! Поедем». Так они и добрались до дома: замерзший Амантай – сидя на доске, а Дубравин – держась за нее и направляя вдоль берега. Охранник, открывший им калитку, с удивлением смотрел на голых, мокрых и продрогших мужчин, появившихся со стороны реки и кинувшихся срочно греться в баню...

Дубравин вспоминал этот случай. И на него новой волной накатили, налетели горестные мысли: не будет больше Амантая. Не будет в их жизни ни радостных встреч, ни яростных споров, ни совместного купания в речке. И посиделок за бутылкой хорошего вина тоже не будет. И что они знают о его друге, эти чужие, равнодушные люди, которые сейчас один за другим выходят то ли на трибуну, то ли на сцену, чтобы говорить слова...

Внезапно у их стола, словно из ниоткуда, появился сын Амантая. Подошел к Дубравину и сказал, что сейчас надо ехать на кладбище, потому что пришло время похорон. Шурка послушно поднялся и пошел вместе с другими мужчинами за ним.

Женщины остались в зале. По мусульманским обычаям женщины не могли присутствовать при похоронах на кладбище.

* * *

Они шли к кладбищу с носилками на плечах. Шурка был первым в ряду справа. Шли долго, в гору. Рядом с ним тяжело дышал степенный толстый казах. Он только что сменил сына Амантая. Но Дубравин, хотя спина его давно одеревенела, не хотел меняться, отказывался. Ему было тяжело, почти как тогда, в юности, когда он нес Амантая к финишу туристической эстафеты и донес. До победы. И вот теперь, спустя почти полвека, он снова нес его, провозжая старого друга в последний путь.

Позади жизнь, в которой было много всего: любви и ненависти, радости и горя, счастья и несчастья. А теперь он вновь нес его. И никто не мог ему в этом помешать.

* * *

Когда они забирали тело покойного в морге, оно уже было завернуто в кафан и аккуратно завязано посередине и с двух сторон. А Дубравину почему-то страстно хотелось еще хотя бы один раз взглянуть другу в лицо. Проститься. Он сказал об этом, судя по всему, главному во всем этом действе – имаму. Тот по-казахски попросил служителя развязать ткань на секунду и открыть лицо, что и было сделано. Лицо Амантая, сильно напوماженное, напудренное, показавшись Шурке в эти секунды совершенно чужим. И только челка, поседевшая прядка волос, которая упрямо торчала надо лбом, напомнила ему друга детства. Шурка наклонился и коснулся ее губами. Служитель ловко и быстро снова завязал бинты. Шестеро мужчин взяли носилки. И вперед ногами вынесли тело из помещения.

Вынесли-то вперед ногами, как и у нас, у русских. А вот несли теперь вперед головой.

Мусульманское кладбище, конечно, отличалось от русских старинных кладбищ с их крестами и памятниками. Здесь все было просто. Пророк Мухаммед (да благословит его Аллах и приветствует) сам определил, как должны выглядеть исламские кладбища. Могила, то есть ее поверхность, «должна напоминать горб верблюда и быть не выше тридцати сантиметров над поверхностью земли», а средняя высота могильной плиты зависит от высоты покрова снега. Остановились у ямы.

«Земля здесь каменистая и вряд ли будет ему пухом!» – машинально подумал Дубравин, опуская по команде муллы носилки на землю. Имам проверил, правильно ли, то есть перпендикулярно ли по направлению к Мекке, а точнее к Каабе, поставлены носилки.

Здесь были разные люди: молодые и старики, дряхлые и крепкие, усатые и с бородой, были среди тех, кто пришел проводить Амантая в последний путь, не только казахи, но и русские, а также, судя по лицам, уйгуры, дунгане, китайцы, корейцы.

Всех присутствовавших имам выстроил в этом узком пространстве в семь рядов. Как в мечети. Дубравин стоял в первом. Он знал, что степень заслуг мусульманина перед Аллахом определяется не количеством провожающих, а количеством читающих погребальную молитву за него, и готовился вместе со всеми вознести эту прощальную молитву.

Имам поднял к небу руки. Опуская, соединил их на животе и произнес:

– Субхаанакал – лаахулмма уа бихамдина, уа...

«О Аллах, Ты далек от всех недостатков, и я восхваляю Тебя. Бесконечно присутствие имени Твоего во всем, высоко величие Твое, и кроме Тебя мы никому не поклоняемся...»

Все шло своим чередом. Имам прочитал на арабском похвалу пророку Мухаммеду (да благословит его Аллах и приветствует). И уже только затем все присутствующие приступили к дуа: обратились к Богу с просьбой о прощении грехов умершему. Если человек не знал этой молитвы на арабском, он мог просить на родном языке.

«О Аллах! Ты мой Господь. Нет божества кроме Тебя, достойного поклонения. Ты сотворил меня, и я Твой раб. И я стараюсь по мере сил сдерживать клятву о покорности и верности Тебе. Я прибегаю к Твоей защите от зла того, что я совершил, признаю милость, оказанную Тобой мне, и признаю свой грех. Прости же меня, ибо поистине никто не прощает грехов, кроме Тебя!»

Молодые мужчины, судя по всему, кладбищенские работники, спрыгнули в раскрытую яму, повернулись лицом к Каабе и на веревках начали опускать тело.

Дубравин смотрел и не верил. Он представлял себе, как в этой глинистой, плотной, вперемешку с камнями почве будет лежать его горячий живой друг. Как сейчас закроется землею этот саван. И ему на мгновение стало жутко и плохо. Ноги не держали его, все поплыло перед глазами, и он покачнулся, не находя, на кого бы опереться.

Тело коснулось дна могилы. Принимающие дружно взяли его и положили в ляхд – нишу, выкопанную сбоку. Положили Амантая на правый бок, лицом к Каабе, развязали бинты, которыми был стянут саван покойного, потом заложили нишу досками. Наверху в это время кричали мольбу: «Во имя Аллаха, согласно действиям посланника Аллаха!» Людей, находившихся в яме, подняли наверх. Все подошли, по очереди бросили по три горсти земли со словами: «Мы сотворили вас из земли, в нее мы вас вернем. И из нее выведем еще раз!» Обряд закончился, и кладбищенские служители взялись за лопаты.

Яма быстро заполнялась сухой землей, а его душа Дубравина – чувством шемящей тоски по ушедшему другу. Он понимал, что с Амантаем его связывала не просто прихоть природы, а какая-то до конца еще не развязанная карма прошлых жизней. Из глаз его сами собой потекли слезы, и он еще раз то ли по-детски, то ли по-старчески всхлипнул.

Кто-то взял его под руку. Это был Сашка Майснер. У него тоже были красные глаза, а по щекам текли слезы.

Могилка возвысилась над землею, как горб верблюда.

Четверо назначенных имамом уселись по углам могилы и начали читать аяты. Их мерное бормотание на арабском как-то успокаивающее подействовало на собравшихся. Наступило последнее действие этого скорбного спектакля. Имам обратился к Аллаху с просьбой принять их мольбы и простить грехи покойному.

А потом провозгласил, обращаясь к покойному:

– О, Амантай, сын Турекула, к тебе придут скоро два ангела и спросят: «Кто твой Господь?» Ты скажи: «Мой Господь – Всевышний Аллах!» Они спросят еще: «Кто твой Пророк?» Ты ответь: «Мой Пророк Мухаммед. Да благословит его Господь и приветствует». Они спросят: «Какая твоя религия?» Ты ответь: «Моя религия – ислам!»

Так закончился обряд погребения Амантая.

* * *

В машине Дубравин оказался вместе с имамом. Разговор, как водится, зашел о только что произошедшем. Настоятель мечети Рустам Хаймуллин, судя по всему, не казах, а татарин, вполне резонно рассуждал о том, что сейчас, похоже, навсегда утрачено что-то очень важное в жизни человека. А именно – искусство правильно умирать.

– Чуть что – пришло человеку время – его тащат в больницу. И мучают там, пытаются продлить, может быть, уже не нужную ему жизнь. Там, в одиночестве, всеми брошенный, всем чужой, он остается один на один сам с собой. А это абсолютно неправильно! Какие мысли мучают его? Какие воспоминания? Никому нет дела. Никто не позаботится о его душе. Все только пытаются удержать на этой брэнной земле его брэнное тело.

– Надеюсь, это не относится к Амантаю, – задетый таким разговором муллы, который, видимо, давно думал об этом, заметил Дубравин.

– К нему не относится! – тихим голосом продолжил настоятель. – Он умер не в свой срок, а в результате катастрофы. Так что, если бы его спасли, это было бы хорошее дело. Но, видно, такова воля Аллаха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.